

игра в детектив

Сергей Борисов

Охота на Динозавра

16+

Сергей Борисов
Охота на Динозавра

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Борисов С. Ю.

Охота на Динозавра / С. Ю. Борисов — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Остросюжетный детектив с иронией и фантастическими допущениями о противостоянии спецагента Матвея Быстрова с преступником по кличке Динозавр. Этот негодяй то начинает с какой-то тайной целью скупать выдернутые у россиян зубы, то создает «беспроблемный» город на просторах России, то собирается покорить мир, разорив нефтяные компании. Однако «Охота на Динозавра» - это еще и игра, причем вступить в круг играющих может каждый, вне зависимости от образования и знания законов дедукции. Потребуется только внимание, ведь надо всего лишь угадать слово, перед которым оборвется речь одного из персонажей или автора. Начало следующей главы даст ответ – ошиблись вы или решение оказалось верным. А впрочем, можно и только читать, этого права никто не отнимет.

© Борисов С. Ю., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть 1. Охота на Динозавра	5
Глава 1	5
Спецагент	5
Глава 2	7
Динозавр с Октябрьского поля	7
Глава 3	9
Семейные тайны	9
Глава 4	11
Садистские штучки	11
Глава 5	13
«Бессовестный» узник	13
Глава 6	15
Побег возможен!	15
Глава 7	17
Во мраке	17
Глава 8	19
Лысые кошки	19
Глава 9	21
Отходное место	21
Глава 10	23
Сладкий воздух	23
Глава 11	25
Зов крови	25
Глава 12	27
Ударные гласные	27
Глава 13	29
Сдача по-крупному	29
Глава 14	31
Партнеры до предела	31
Глава 15	33
Слезы экспедитора	33
Глава 16	35
Разговор без примесей	35
Глава 17	37
Щекотливое положение	37
Глава 18	40
Знаки расположения	40
Глава 19	43
Кошмар наяву	43
Глава 20	45
Допрос энной степени	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Часть 1. Охота на Динозавра

Глава 1

Спецагент

Коридор Управления заливал мертвенный свет неоновых ламп. Ни одного окна, только двери с прямоугольными пятнами табличек.

Матвей шагал по истертому линолеуму, и поступь его была тяжела. Застывшее лицо свидетельствовало о нечеловеческой усталости. Кожа на скулах натянулась, веки покраснели. А вот глаза «жили» – небесно-голубые, они победно сверкали.

Шел он неторопливо, чуть вразвалочку. За ним семеняло человек десять. Словно свита. Никто не пытался его обогнать: еще толкнешь ненароком... Взоры «свиты» излучали безграничное восхищение.

Он остановился у одной из дверей, и весь кортеж притормозил. Порылся в кармане, достал ключ. Когда дверь за ним закрылась, «свита» помчалась по своим делам.

Из людской кутерьмы возникла уборщица. Она подошла к двери и протерла тряпкой табличку, на которой значилось: «Матвей Быстров». Еще там был номер кабинета – 700. Рядом с табличкой кто-то нацарапал: «Спецагент». И это была чистая правда.

Кабинет заливало солнце. Быстров подошел к письменному столу, на котором не было ровным счетом ничего. Скинул пиджак. Из наплечной кобуры вынул «парабеллум», понюхал дуло, поморщился, положил на стол. Из брючного кармана выудил нож – фирменный «спринг-наиф»; дважды нажал на кнопку – выпрыгнуло и снова спряталось в ручку узкое лезвие, точно язычок ядовитой змеи. Из заднего кармана достал наручники. Опустился в кресло, приподнял брючину и из-за тугого носка вытащил еще один пистолет, у профессионалов получивший прозвище «лилипут».

Покончив с разоружением, Матвей осмотрел свой арсенал, откинулся на спинку кресла, провел пальцами по щекам: надо побриться – и закрыл глаза.

Он спал, и шаловливый луч солнца играл с его волосами. Однако короток был его сон. Требовательно зазвонил телефон. Не открывая глаз, Быстров уронил руку на аппарат.

– Матвей? – Девичий голос полнился чувством, которое не могли затушевать ни провод, ни мембрана телефона. – Тебя Сам вызывает.

Быстров тряхнул головой, разгоняя остатки сна, и встал – резко, рывком: он снова был готов к работе, к своей ответственной, опасной работе. И никто бы не сказал, глядя на него, что усталость несколько дней кралась за ним по пятам и что лишь минуту назад Морфей держал его в своих объятиях.

Он сгрузил оружие в сейф и вышел из кабинета.

Секретарша встретила его извинением:

– Я не хотела будить.

– И все-то у нас про всех известно! Дверь закрыта была, откуда знаешь, что спал?

– Щека припухла.

– Когда спят в кресле, руку под щеку не подкладывают, – наставительно заметил Матвей.

– Как живым-то остался? – У девушки задрожали губы.

– Не надо, Любаша. – Быстров потрепал ее по худенькому плечу. – Служба у нас такая! –

В его голосе зазвучали стальные нотки.

– Иди уж, – через силу улыбнулась девушка и махнула рукой на дверь начальника. – Он в комнате отдыха.

Глаза Матвея посуровели. Личная комната отдыха – привилегия. А он был против всех и всяческих привилегий. Он хотел повернуться и уйти, но разыграло любопытство – он никогда еще не был в «святая святых» руководства.

Самой важной деталью обстановки кабинета был стол совещаний. Крытый зеленым сукном, он производил угрожающее впечатление своими размерами. На нем были расставлены керамические пепельницы, каждая из которых могла вместить не одну сотню окурков. Украшал стол огромный букет цветов в хрустальной вазе. Живые цветы на рабочем месте – это была слабость руководства, если хотите – прихоть, впрочем, безобидная, а потому простительная.

Дверь в комнату отдыха замаскировали под деревянную панель, которыми был облицован кабинет. Сейчас она была приоткрыта.

– Матвей? Заходи.

Быстров шагнул в «святая святых» и окаменел. В крохотном помещении не было ни ковров, ни холодильника, ни бара с напитками. Чуть ли не половину комнатки занимал огромный верстак, заваленный обрезками картона, листами мелованной бумаги, каким-то инструментом.

Сам стоял у верстака, держа в руке кисть. Клеенчатый фартук, обхватывающий немалый начальственный живот, был заляпан клеем. Начальник сейчас напоминал мастерового-сапожника из старых фильмов «про революцию».

– Удивлен?

Матвей кивнул.

– А я вот о пенсии мечтаю. Книжки буду переплетать. Славно-то как! Дай только подрасчистим страну от всякой мерзости...

– Долго ждать придется, – хмуро сказал Быстров.

– Это верно. Но, думаю, осилим. Обязаны. Дело чести.

Начальник мазнул кистью по лежащему на столе переплету, вставил в него книжный блок. Все у него получалось ловко, красиво.

– Как? – Он продемонстрировал отреставрированную книгу.

– Здорово! – Книга и впрямь выглядела как новая. Портрет Ленина на обложке сиял свежей позолотой. – Номер тома плохо видать. – Быстров мог бы и промолчать, но кривить душой было не в его правилах.

– Подправим. – Сам склонился над верстаком. – А теперь?

– Теперь совсем хорошо.

Сам снял фартук, облачился в китель, и мастеровой пропал: перед Матвеем был полковник Николай Семенович Ухов, гроза и первый враг уголовников, противоправных элементов и коррумпированных чиновников.

– Банду Хромого Хомя ты лихо раскрутил, – уже другим тоном сказал начальник. – Слышал, пострелять пришлось. Сколько на счету?

– Не я их, так они меня, – вскинулся Быстров. – Трое.

– Ладно, оставим. А вообще-то, аккуратно поработал. Отдохнуть, небось, хочешь?

– Есть поручение?

– Есть. И посложнее предыдущих.

– Я готов! – Быстров вытянулся в струнку. – Вот только...

– Что «только»? – приподнял бровь Ухов.

– Готов к любому заданию, только, если позволите, схожу к

Глава 2

Динозавр с Октябрьского поля

– Готов к любому заданию, только, если позволите, схожу к стоматологу.

– То-то я гляжу у тебя щека припухла! – проявил недюжинную наблюдательность Ухов. – Сходи, конечно. Страшно?

– Страшно, – не стал хитрить Быстров. – Болит, собака, сил нет.

– С бандитами с глазу на глаз оказаться не боишься, в притоны ныряешь, как в речку, контрабандистов ловишь, а тут... – Начальник осуждающе покачал головой. – Пойдем поговорим.

В кабинете полковник остановился у стеллажей, заставленных собраниями сочинений Маркса, Энгельса, Ленина, а также вишневыми томами «Резолюций...».

– Где спрячешь ветку? – спросил он.

– В лесу, – незамедлительно ответил Быстров.

– А камень?

– В горах.

– Хочешь утаить, где положишь?

– На виду.

– Молодец. С логикой на «ты». В психологии разбираешься.

Быстров зарделся от похвалы. Ухов между тем достал с полки толстенный том Маркса-Энгельса и сказал:

– Полистай, интересно.

– Это приказ? – вызывающе спросил Быстров.

– Ты еще письменного потребуй!

Матвей взял книгу, открыл и оторопел. Графики, схемы, копии донесений, справки, рапорты... А на первой странице каллиграфическим почерком выведено: «Динозавр».

– Вот так-то, – усмехнулся полковник. – А ты меня, должно быть, за ретрограда-старогвардейца держал. Это, – Ухов показал на полки, – мой личный архив. Как видишь, не запирается, а сохранность гарантирована. Кого нынче эти книги интересуют? Только крайне правых и крайне левых, чтобы ругаться аргументированно. Ну, еще историков и журналистов. Но этим в мой кабинет путь заказан.

– Мне и в голову не пришло бы, – признался Матвей.

– Если мысль не приходит в голову, она не приходит никуда! – веско произнес начальник.

– Спасибо за доверие! – сказал Быстров.

– Не благодари. Нет у меня другого выхода, а так, может, и не открылся бы я тебе. Лишь ты и справишься с этим делом, а оно в высшей степени необычное. И смертельно опасное.

– Не впервой, Николай Семенович.

– Такое, пожалуй, впервые. Сядешь?

– Вроде не за что!

– А? Тогда присаживайся.

Ухов опустил в кресло, Матвей занял стул напротив.

– Значит, такое дело. Учти, из моей... – Полковник поискал слово, нашел: – Из моей коллекции. Слушай. Есть в городе некая личность, Сидоров Иван Петрович, рядовой инженер рядового стройтреста. И ничем этот Иван Петрович вроде бы не примечателен: холостяк, живет один в однокомнатной квартире на Октябрьском поле, не пьет, не курит, до женского пола не падок. Короче, обыкновенный законопослушный гражданин. На первый взгляд! И на

второй тоже. Однако сдается мне, не все тут так элементарно. Почитаешь, – Ухов хлопнул рукой по книге-досье, – поймешь. Это противник, которого ни у меня, ни у тебя еще не было. Умный, хитрый, властный, сильный. Настоящий динозавр! И не один он... Верю своему чутью розыскника, а оно мне подсказывает: стоит он во главе какой-то таинственной и могущественной организации.

– И чем она «знаменита», эта организация? – спросил Быстров, подобравшийся, как гончая на охоте.

– Я же сказал «таинственной»! – нахмурился Ухов. – То-то и странно, что она никак себя не проявляет. Порой кажется, будто ее и нет вовсе. Но я-то знаю: есть она, действует – нюх меня еще никогда не подводил. Ах, как же ловок этот Сидоров! Ну, абсолютно нечего ему инкриминировать! Дорогу, и ту переходит исключительно на зеленый цвет.

– Да-а, – протянул Матвей, – та еще штучка.

– Перейдет дорогу, – продолжал полковник, – и оборвет «хвост». Начисто! Но как бы случайно. Лучших топтунов за ним посылали, да все напрасно: уходит от слежки! Исчезает, а потом объявляется как ни в чем не бывало. Пытались мы кое-что предпринять против него... Тщетно! Чист, как стеклышко. Скользкий, как угорь. Не ухватить. Я так думаю, знал он о наших приготовлениях.

– Неужели кто-то из наших «стучит»?

– Не хочется верить, однако другого объяснения не нахожу. Но кто? Это тебе тоже предстоит выяснить.

– Выясню! – грозно сказал Быстров. – Вытащу на свет Божий. И покараю.

– Только не самосуд, – осадил агента Ухов. – Народ судить будет! И не забывай, главное для тебя – Сидоров. Имей в виду, работать будешь один, без подстраховки, без прикрытия, на свой страх и риск. Дело я уже закрыл, вновь заводить не имею формальных оснований, потому что оно теперь в моей коллекции. Если погибнешь, похороним без почестей. Такие вот пироги.

– С котятками? – поинтересовался Матвей. – Их едят, они пищат.

– Не знал, что ты кошек не любишь. Придется полюбить. У Ивана Петровича Сидорова кот есть сибирский. Он его по вечерам на поводке выгуливает.

– Я тоже перед сном променад делаю.

– Это хорошо. Для здоровья полезно. В общем, в курс я тебя ввел.

– Больно краткий курс...

– У меня и такая книга есть, – кивнул Ухов. – Ну что, берешься?

Быстров ответил просто:

– Согласен.

– Не сомневался в тебе, сынок. – Глаза полковника предательски блеснули. – Не подведи.

– Не подведу, Николай Семенович. Вижу, верите в меня. Спасибо, – сказал Матвей. Встал и отчеканил: – Постараюсь оправдать.

– Ты уж постарайся, голубчик, – растроганно произнес Ухов. – Сделай подарок к пенсии. Уважь, поймай мне эту

Глава 3

Семейные тайны

– Ты уж постарайся, голубчик, – растроганно произнес Ухов. – Сделай подарок к пенсии. Уважь, поймай мне эту **рептилию**.

– Поймаю! – пообещал Быстров.

Он взял досье и покинул апартаменты полковника, еще раз услышав на прощание: «Надеюсь на тебя, сынок!». Ухов назвал его так от полноты чувств, не зная, что удачливый опер, ставший специальным агентом с правом применять оружие тогда, когда сочтет нужным, и против всякого, кто станет на его пути, – действительно его сын, его кровь. Об этом Матвеем в день совершеннолетия рассказала мать, Ольга Савельевна Быстрова, в прошлом классная шифровальщица. До того Матвей думал, что его отец летчик-испытатель, погибший в одном из рискованных полетов. А выходит...

Мать объяснила: их грешная связь могла порушить карьеру Николая Семеновича. Тот был женат. Супруга его, сущая мегера, делала все, чтобы муж как можно быстрее занял причитающееся, как она полагала, место в высших эшелонах власти. Для этого она не гнушалась ничем: ни лестью, ни интригами, упорно забывая о таланте Ухова. А тот был по-настоящему талантливым розыскником, этим, а не стараниями супруги, стяжая славу, уважение коллег и преступников всех мастей.

Ухов и впрямь быстро двигался вверх по служебной лестнице, и Ольга Савельевна предпочла отойти в сторону, дабы не мешать этому восхождению, и даже подала рапорт с просьбой об увольнении из органов. Ей не стали чинить препятствий, а вот Николай Семенович недоумевал, злился, обрывал телефон, добиваясь встречи. И они встретились. «Как же так, Оленька? – спрашивал Ухов. – На кого меня бросаешь?». Ольга Савельевна была непреклонна: «Так надо, Коленька. Так надо! Иначе съедят тебя партком с месткомом. Какие пятна на биографии и кителе! А для дела нужно, чтобы ты на посту был! Не звони мне больше». И она ушла – от Ухова и со службы. А через семь месяцев родился сын. Коленьке Оленька о Матвеешке не сообщила. Не сказала и тогда, когда узнала, что супруга Ухова, страдавшая от бесплодия и уремии, отдала Богу душу, отравившись собственной мочой.

Выслушав исповедь матери, Матвей не воспылил ненавистью к отцу. Напротив, решил быть с ним рядом. Храня тайну, он должен стать лучшим. Вот тогда, может быть...

В том числе и об этом подумал Быстров, перелистнув последнюю страницу досье. Однако он не был бы специалистом высочайшего класса, если бы позволял себе надолго отвлекаться от существа проблемы или переносить центр тяжести своих размышлений на то, что в данный момент не являлось первоочередным. Сейчас самым важным было ДЕЛО, и Матвей сосредоточился на нем, хотя ни одной дельной мыслью касательно него пока похвастаться не мог.

Да, прав отец, непрост Иван Петрович Сидоров, ох, непрост! Воистину динозавр! Обезопасил себя, не подступишься. И организация его так законспирирована, что внедриться – проблема.

Матвей прикрыл веки и стал перебирать факты, почерпнутые из секретного архива Николая Семеновича Ухова. Тренированная память услужливо переворачивала страницы досье. «Просмотрев» все сто тридцать семь страниц, Быстров огорченно вздохнул: не за что уцепиться!

Он встал и подошел к окну. Стекла его были сероватого оттенка. После того, как Чижик, правая рука Хромого Хома, пытался достать его из снайперской винтовки, в рамы вставили бронированные стекла. Чижик, к счастью, промахнулся, угодив в лампу под потолком. С той

поры Матвею приходилось довольствоваться настольной, поскольку выдать новую люстру завхоз отказался наотрез.

За окном кипела жизнь. Торопились пешеходы, сновали машины, подмигивали светофоры. «Не тому Хома доверился, – подумал Быстров. – Надо было левой руке – Снегирь бы не промазал». Он вспомнил предсмертный взгляд Хромого Хома. Даже покидая свое брненное тело, тот не желал мириться с поражением, все норовил дотянуться до валявшегося в метре от него «ругера» сорок пятого калибра. Матвей не испытывал сострадания к бандиту, слишком много зная о его «подвигах»: чересчур много трупов оставлял тот позади себя. И не было в нем ничего человеческого... Впрочем, нет, одна человеческая страсть ему не была чужда. Хома был страстным орнитологом, ставя мир птиц куда выше рода людского. Он даже своим подручным давал «пернатые» клички: Чижик, Снегирь, Зяблик... Сейчас он умирал, а бездыханные Чижик и Зяблик лежали в углах комнаты, разбросанные выстрелами Быстрова.

...Выстрел Быстров не услышал. В стекле перед глазами возникла дырка, тут же обожгло щеку. За спиной что-то глухо стукнулось о паркет, но Матвей не оглянулся. Он распахнул створки окна. Перевесился через подоконник, не думая о том, что теперь представляет собой отличную мишень. Наметанным глазом сразу определил, что стреляли из белого «мерседеса», остановившегося на эстакаде якобы из-за поломки, а сейчас сорвавшегося с места. Матвей вскинул руку к кобуре, но та была пуста: оружие мирно покоилось в сейфе. Непростительная ошибка!

Быстров проводил глазами роскошное авто и не без труда вернул стальные рамы в исходное положение.

Пуля срезала шнур от лампы, болтавшийся под потолком, и Матвей подивился дальновидности завхоза. Далее пуля влетела в узкую щель между дверцами платяного шкафа.

Парадная шинель была безнадежно испорчена. На груди зияла рана с обуглившимися краями. Быстров запустил руку в складки шинели, покопался там и достал конический кусочек металла. Нечто подобное он и ожидал увидеть. Это была специальная пуля с титаново-кадмиевой оболочкой и ртутным наполнением. А стреляли, конечно же, из «винчестера-КХТ4301В-М». Перед таким снаряжением никакая броня не устоит!

Матвей взглянул в зеркало, врезанное в дверцу шкафа. На щеке алело маленькое пятнышко. На сантиметр левее – и он остался бы без челюсти, на два сантиметра – без головы.

Может, пуля тому причиной, но вдруг страшно разболелся зуб. Однако Быстров не думал о предстоящем визите к зубному врачу, он думал о смешном динозаврике, болтавшемся за задним стеклом улепетывающего «мерседеса». Совпадение?

– Я найду его, – сказал он. – Я обязательно найду его,

Глава 4

Садистские штучки

– Я найду его, – сказал он. – Я обязательно найду его, **папа**.

Итак, Динозавр. Отныне Иван Петрович Сидоров, этот псевдостроитель и квазиинженер, будет именоваться только так и не иначе. Лучшего имени не достоин.

Но как подобраться к логову? На этот вопрос ответа у спецагента не было. Он решил не ломать попусту голову, которая к тому же работала с перебоями, – зубная боль не позволяла мыслям собраться в группу, состоящую более чем из трех единиц. Для начала – к стоматологу, а там, глядишь, что-нибудь дельное и посетит.

Матвей отомкнул сейф и достал оружие. «Парабеллум» в кобуру, «лилипута» за резинку носка, нож в один карман, наручники в другой. Полный набор. После сегодняшнего покушения надо быть во всеоружии. Закончив экипировку, он вышел из кабинета.

«Жигуленок» завелся с полоборота. Быстров вырулил на площадь и влился в поток автомобилей. Он мог бы без труда вырваться вперед, обогнав гордые иномарки, но не сделал этого. Ни к чему лишний раз демонстрировать возможности его машины, под капот которой умельцы из технической службы Управления умудрились засунуть форсированный «фордовский» движок.

Он поглядывал в зеркало заднего вида и очень скоро понял: его «ведут». Слежка была организована умело, но не настолько, чтобы ее не заметил специалист его класса. А может быть, его недооценивают... Напрасно. Однако знать преследователям об этом пока рано, и потому Матвей не предпринял никаких шагов, хотя оторваться ничего не стоило. Ему было любопытно, что они будут делать дальше.

Его «довели» до поликлиники. Как бы не замечая «хвоста», Быстров вошел в здание. У кабинетов сидели измученные страданиями люди. Хотя у Матвея была предварительная договоренность, пришлось подождать. По «закону подлости» боль стала утихать, и он подумал, что явно поспешил: обычно он до последнего откладывал визит к зубному врачу, а сегодня – такая вот незадача.

Наконец его вызвали. Незнакомая медсестра глядела букой.

– Удалять?

– Наверное, – обреченно сказал Матвей. – А где доктор?

– У руководства. Дайте-ка я посмотрю. Если и вправду удалять, сделаю укол. Пока действует, и врач придет. Садитесь.

Стараясь унять дрожь в коленях, Быстров подошел к креслу, сел и, не дожидаясь приказа, открыл рот.

– Шире! – Минуту спустя, заставив пациента пару раз охнуть, «бука» вынесла вердикт: – Надо рвать!

– Может, не надо? – жалобно спросил Быстров, не надеясь, впрочем, размягчить гранитный камушек, заменявший женщине сердце.

– Надо. – «Бука» набрала из ампулы в шприц какой-то жидкости и произнесла сакраментальное: – Шире!

Игла вонзилась в десну. Матвей почувствовал жжение, потом свет в его глазах померк, и он провалился в черное небытие.

Как долго длилось беспамятство, он не знал. Приходил в себя агент трудно, плукая по бесконечным тропинкам пробуждающегося от тяжелого сна сознания. Перед глазами кружился

хоровод лиц: мама, отец, «бука»... Вот протопал гигантский тиранозавр-рекс... И тут возникла первая ясная мысль: «Я же на работе».

Быстров открыл глаза. Над головой мерцала тусклая лампочка. Он попытался подняться, но тут же со стоном расслабил мышцы.

– Смотри-ка, очухался! – прогнусавил кто-то. – Слушай, лежи тихо и не рыпайся.

Матвей не принял совета и рванулся. Бесплезно. Его точно спеленали. Даже головы не повернуть. Он скосил глаза и увидел кирпичные стены с влажными потеками грунтовых вод и мордатого мужика, сидящего на стуле. Мужик держал на коленях поднос с бутербродами и чавкал.

– Я, кажется, ясно сказал. Не дергайся! – Мордатый осклабился, показывая желтые от никотина зубы.

Впору было взвыть от обиды и беспомощности. Быстров обругал себя последними и предпоследними словами. Надо же так вляпаться! А еще специальный агент! Как же он мог забыть, что уколы обезболивающего имеют право делать только стоматологи-хирурги, а никак не медсестры. Или и впрямь перед кабинетом зубного врача человек теряет львиную долю интеллекта? Да-а, провела его «бука», как слепого кутенка провела.

– Где я?

– В санатории! – хохотнул Мордатый. – Мы тут пальчиками занимаемся, – доверительно сообщил он. – И горлом. Враз заговоришь!

Быстров ощутил спазм в желудке.

– Что вам от меня нужно? – прохрипел он.

– А еще дикцией. Устраняем дефекты! – Мужик запустил руку в карман и вытащил пасатижи. – Для начала вырвем ноготки...

«Причем тут цветы?» – подумал Матвей. Желудок опять дал о себе знать. Быстров поморщился.

– ...потом пару суставчиков расплющим, – не переставая жевать, продолжал Мордатый. – Зачирикаешь, как птичка.

– Я не соловей, чтобы каждый день петь одним голосом, – процитировал Льва Толстого Матвей.

– Шутки шутишь? – угрожающе произнес мужик, видимо, по-своему понимающий наследие классика. – Вот намотаем...

Быстров не понял, что именно и на что конкретно собирался намотать Мордатый, потому что раздался скрип несмазанных петель, и мужик вскочил, едва успев подхватить поднос.

– Все в порядке? – спросил женский голос.

– Оклемался, – отрапортовал Мордатый, смахивая крошки со рта.

В поле зрения Быстрова появилась давешняя «бука».

– Что вы знаете о кальмаре?

– Ничего, – удивился Матвей. – Хотя... «Морской моллюск из класса головоногих...». – Он неплохо помнил энциклопедический словарь.

– Упираетесь? В таком случае мы будем вас пытаться, – проинформировала спецагента «бука». – Степан!

– Я готов! – тут же отозвался мужик.

Матвей взглянул на него. Он тоже хотел

Глава 5

«Бессовестный» узник

Матвей взглянул на Мордатого. Он тоже хотел **бутерброд**. Да и не удивительно, с утра маковой росинки во рту не было. Впрочем, к маку и его производным, даже к песне «Красные маки» в исполнении Юрия Антонова, он относился с предубеждением. Поэтому Быстров внес коррективы, заменив маковую соломку, то бишь росинку, на черствую корочку хлеба, что, однако, сути не меняло. Есть хотелось ужасно!

Спецагент с завистью смотрел на мордатого Степана, представляя, как вырывает у того поднос со снедью, подхватывает ломоть хлеба, на котором распластался кружок колбасы, и...

Прожорливый садист по-своему истолковал взгляд пленника.

– Чо зыришь? – прохрипел он. – Ща мы тебя маненько мучить будем. – Из кармана широких клетчатых штанов, некогда столь любимых подмосковными ребятами, в просторечии называемых «люберами», вновь появились пассатижи. Озарившись сладострастной улыбкой, Мордатый клацнул ими. – Не жалко ноготков-то?

Угроза никак не подействовала на Быстрова: за свои ногти он не переживал – они уже давно были накладными. И вообще, в данный момент его больше занимала другое: про какого такого кальмара ему толкуют?

– Не перестарайся только! – предупредила заплечных дел мастера лжемедсестра, стараниями которой Матвей Быстров, спецагент со стажем, оказался в этом сыром подвале, на этом разделочном столе, беспомощный, спеленутый ремнями.

– Что вы от меня хотите? – спросил он.

– Вопрос тот же: что вам известно о кальмаре?

– Моллюск из класса головоногих... – снова стал цитировать Быстров. – Ареал обитания...

– Да он издевается над нами! – взревел Мордатый. – Всю совесть растерял. Кальмара моллюском назвать!

– Спокойно, Степа, не шуми, – осадила подручного Бука. – Зря вы упорствуете.

Ноздрей Матвея коснулся изысканный аромат косметики. По достоинству оценив парфюмерные пристрастия Буки, он тем не менее не проникся к ней симпатией. С преступниками у него разговор короткий!

– Вот что я вам скажу, драгоценная вы моя, – начал он. – В силу какого-то странного стечения обстоятельств, чудовищного недоразумения, вы пытаетесь получить от меня сведения, носителем которых я не являюсь. Должен с прискорбием констатировать, что мои знания о кальмарах ограничиваются статьей энциклопедического словаря 1979 года издания, а также неприятием кальмаров как ингредиента для салата «оливье». А посему...

Быстров говорил и говорил, одновременно напрягая и расслабляя мускулы. Веревки не поддавались.

Бука явно не была очарована его красноречием, и все же кое-чего Матвей добился. Отсрочки!

– Даю вам пятнадцать минут на размышление. Подумайте о незавидной судьбе инвалида. Прикиньте, стоит ли молчание здоровья. Хорошенько подумайте! – Лжемедсестра повернулась к томящемуся в ожидании своего часа палачу. – Присмотри тут.

С этими словами она исчезла из поля зрения спецагента и, судя по скрипу дверных петель, из подвала тоже.

– Ну, погоди! – процедил Мордатый.

– Ты погоди! – отвечивал Быстров.

Он опять напруг мускулы – нет, не получается, и криво усмехнулся, выказывая свое презрение стражу. Обрюзгшая физиономия мужика пошла пятнами. Он что-то проворчал себе под нос, придвинул стул, сел и вновь зачавкал. Бутерброды с невероятной быстротой исчезали с подноса, проваливаясь, как в бездонный колодец, в окруженную многодневной щетиной пасть.

Быстров отвел глаза. Зрелище набивающего утробу тюремщика было неудобоваримо. Да и другие у него сейчас задачи. И первая из них: как обрести свободу? Что делать?

Непрощенным ему вспомнился одноименный роман Чернышевского. Ах, какой замечательный ответ дал автор на поставленный вопрос. Увы, сейчас спецагенту надо было думать не о свободе духа, а о свободе тела. Иные времена, иные нравы!

Глаза Матвея шарили по потолку, точно ожидая, что на нем вдруг возникнут письмена, указующие путь к спасению. Опять-таки тела.

Вместо слов появилась узкая полоска света. Щель медленно расширялась, и Быстров понял, что кто-то осторожно открывает давно примеченный им люк, с которым он, опутанный веревками, не связывал никаких планов.

Что это? Шампанское? Пару раз качнувшись у края люка, зеленого стекла бутылка отправилась в полет. Бросавший точно рассчитал траекторию, имея в виду совершенно конкретную цель. Целью оказалась голова мордатого Степана.

Расколовшись о весьма твердую поверхность, бутылка лишила тюремщика возможности двигаться, говорить и соображать. И не мудрено!

Последовав на пол вслед за подносом с бутербродами, Мордатый застыл бесформенной неподвижной грудой, усыпанной осколками и залитой благородным напитком.

– Вы живы?

– Конечно, – успокоил спрашивающего Быстров. Он терялся в догадках, кто этот неизвестный, пришедший ему на помощь. Но изумление его стало поистине безграничным после того, как спаситель с акробатической ловкостью свесился из люка, прыгнул и выпрямился, явив свой облик.

Это была девушка!

– Сейчас я вам помогу.

Через минуту веревки были распутаны. Матвей со стоном приподнялся.

– Кто вы?

– Это потом. – Девушка отвела со лба роскошные белокурые волосы, и Быстров увидел, что она очень красива – той красотой, что не приемлет оговорок.

– Как вы себя чувствуете?

– Самочувствие нормальное, – бодро ответил Матвей, немного лукавая. Ему сегодня вообще не везло: сначала зубы, потом желудок, а теперь вот

Глава 6

Побег возможен!

– Самочувствие нормальное, – бодро ответил Матвей, немного лукавя. Ему сегодня вообще не везло: сначала зубы, потом желудок, а теперь вот **мышцы**. Надо полагать, потянул, когда пытался веревки порвать. Позорник несчастный!

Это было не совсем верно, поскольку в данный момент несчастным себя Быстров не считал. Знакомство с такой привлекательной девушкой, пускай даже при столь необычных обстоятельствах, это ли не удача? Впрочем, знакомство еще не состоялось...

– Как вас зовут?

– Марина.

– Морская... – сказал Матвей, желая блеснуть знанием латыни.

– Лисичкина моя фамилия.

– Очень приятно. А меня Матвей Быстров.

– Я знаю.

– Знаете?

– В противном случае меня бы здесь не было.

Матвей соскочил со стола. Ноги подкашивались, но усилием воли он заставил себя держаться с должной выправкой.

– Благодарю за спасение. Только... Чем обязан?

– Вы мне ничего не должны, – отрезала девушка, сверкнув прекрасными зелеными глазами. – Я с другого человека долг хочу требовать. И за спасение вы рано благодарите. Мы еще отсюда не выбрались.

– Это верно, – кивнул Быстров. Он шагнул к стальной двери подвала и задвинул засов. – Так лучше.

Девушка с иронией смотрела на него.

– Выломают. Что сделаете?

Матвей нагнулся, приподнял брючину и достал из-за носка пистолет, незамеченный тюремщиками.

– Посмотреть – игрушка, а работает как большой. – Он подбросил «лилипута» на ладони. – Так что проникнуть сюда, без моего позволения, будет затруднительно.

– А отсюда?

– Вы хотите уйти?

– Нет, здесь останусь. До конца жизни!

– Я не про то... Что же вы тогда меня спасали?

– Да я с вами уйти хочу, понимаете?

– Со мной? Куда?

– На волю!

Груз ответственности, и без того внушительный, стал и вовсе тяжким. Теперь на его попечении еще и эта Лисичкина. Им предстоит на пару выбираться из этого мрачного узилища.

Матвей тверже сжал в руке пистолет. В этот момент кто-то толкнул дверь, но та, разумеется, не шелохнулась.

– Степан! Ты чего заперся? Приказ нарушил? Замучил насмерть?

Охранник все так же недвижимо лежал рядом со стулом, с которого сверзился следом за подносом с бутербродами. Было совершенно очевидно, что говорить он сейчас не в состоянии. А когда-нибудь? Матвей нахмурил брови.

– Оклемается, – сказала девушка. – Вот если бы я его «советским полусладким», а то – спуманте. Очухается!

– Ошибаетесь, – сказал Быстров. – Он мертв.

Лисичкина побледнела:

– Не может быть!

– Очень даже может. Классическая асфиксия. Подавился бутербродом и задохнулся. Прямой вашей вины в его смерти нет.

– А косвенная? Хотя, черт с ним, воздух чище будет.

– Вы из «зеленых»? – живо поинтересовался Быстров. – Боретесь за экологию?

– Я воюю с хищниками!

– Я слышал, они тоже нужны природе... – начал Матвей, но его слова потонули в грохоте ударов, обрушившихся на дверь.

– Открывай, Быстров! – усердствовал мужской голос. Ему вторил женский: – Откройте, не то хуже будет!

– Сообразили, что не все тут чисто, – кивнул на дверь Матвей.

– Тебе не уйти! – продолжала грозить женщина, голос которой Быстров распознал безошибочно. Это была лжемедсестра. Впрочем, надо отдать Буке должное: укол ей был сделан весьма профессионально. При иных обстоятельствах Матвей обязательно похвалил бы ее за «легкую» руку.

– Чего вопишь? – спросил спецгент, воспользовавшись паузой между порциями оскорблений и угроз. – Клятва Гиппократова спать не дает? А еще медик...

– Она когда-то ветеринаром работала, – сказала Лисичкина. – Ее тут за глаза Скотницей зовут.

– Эта Скотница мне снотворное ввела, потому я здесь и очутился, – посчитал нужным объяснить Быстров. – Обвела вокруг пальца.

– Эта она может. Недаром же она доверенное лицо Кальмара.

– Опять кальмары! – Матвей чуть не выругался. – Да причем тут эти моллюски головоногие?

– Вы что, и вправду ничего о нем не знаете? – удивилась Лисичкина. – Они же вас пытаться собирались!

– Ничего не знаю ни о кальмарах, ни об осьминогах. Правда, сериал «Спрут» по телевизору когда-то смотрел.

– Ну, а о Динозавре хоть слышали?

– Так это один человек? – попробовал догадаться Быстров.

– Наконец-то сообразили. Однако пора нам отсюда убираться.

– Я вас подсажу, – сказал Матвей, имея в виду люк в потолке, через который Марина проникла в подвал.

– Нет, эта дорога теперь заказана. Мы пойдем другим путем. – Девушка несильно надавила на один из кирпичей стены, и часть оной со скрежетом ушла в сторону. – За мной! – приказала она и скрылась в темноте лаза.

Прежде чем последовать за Лисичкиной, Быстров не отказал себе в удовольствии подойти к сотрясаемой ударами двери и сказать на прощание:

– Граждане дорогие, поберегите

Глава 7

Во мраке

– Граждане дорогие, поберегите **связки**.

Вопли бессильной ярости были Матвеем ответом. А он не унимался:

– Зачем надрываетесь? Чай не на митинге.

В проеме лаза появилось сердитое лицо девушки.

– Скорее!

– Бегу!

Точнее было бы сказать «прыгаю». В два прыжка спецгент преодолел необходимое расстояние и, пригнув голову, ступил под низкие своды.

Лисичкина ухватила за змеящуюся по полу цепь, рванула раз, другой, и кусок стены стал медленно возвращаться на место, замуровывая вход.

В этот момент дверь подвала с треском распахнулась, и в помещение, приспособленное бандитами под пыточную камеру, ввалились Бука», она же лжемедсестра, она же Скотница, и два гориллоподобных субъекта с пистолетами наготове. Пули, вылетевшие из их стволов, застучали по краю лаза, обдав лицо Матвея кирпичной крошкой. Он припал к стене, опасаясь за целостность своего облика, хотя мог бы и не делать этого, поскольку в следующее мгновение кирпичный блок закупорил отверстие, став непреодолимой преградой.

У Лисичкиной, впрочем, было собственное представление о надежности каменного щита, отгораживающего их от преступников. Кромешную темноту прорезал луч фонарика, и Быстров увидел, что девушка склонилась над пластиковой коробкой, из-под которой выползала цепь. Откиннутая крышка явила взорам сплетение проводов, какие-то датчики, никелированные детали непонятного назначения. В отличие от спецгента, Лисичкина знала что здесь к чему: ничуть не колеблясь, она запустила руку в свои роскошные волосы и вытащила шпильку. Незатейливый предмет женского обихода, зависнув над коробкой, через секунду выскользнул из девичьих пальцев и упал на сверкающие медью клеммы. Посыпались искры, запахло горелой изоляцией. Матвей напряг слух. И так еле слышное гудение сервомоторов, приводящих в движение кирпичный блок, совсем истончилось и, наконец, пропало.

– Теперь не доберутся! – удовлетворенно произнесла девушка.

– Спасибо вам, Марина, – с чувством сказал Быстров. – Спасибо!

– Что вы заладили! Окажемся на поверхности, тогда и поговорим.

Матвей насупился, обиженный неприглядной резкостью ее слов.

– Ладно вам дуться. – Лисичкина примиряюще улыбнулась. – Потерпите с благодарностями десять минут. Сможете? Тем более что еще не все позади.

Быстров оглянулся. Позади никого не было. Только мокрые, словно в испарине, кирпичи, разделившие преследователей и беглецов.

– Ну, разве что десять минут, – неуверенно проговорил он.

... Увы, обещанию Марины Лисичкиной не суждено было сбыться. Четверть часа спустя они сидели у завала, перегородившего их путь. Когда стало понятно, что сквозь завал не пробиться, Матвей посоветовал девушке погасить фонарик – надо экономить батарейки. Растерявшаяся, ставшая вдруг беспомощной, она никак не прореагировала на его слова.

Быстров взял фонарик из ее безвольно разжавшихся пальцев. Положив руку на хрупкое плечо, заставил опуститься на каменную глыбу, вывалившуюся из стены туннеля, который должен был вывести их к свободе и свету. Сел и сам. И только потом щелкнул переключателем, отдавая себя и свою спутницу во власть непроглядного мрака.

– Расскажите мне о Динозавре, – попросил он после нескольких минут молчания. – То есть о Кальмаре. Чем он страшен?

Лисичкина вздохнула.

– Зачем это вам сейчас?

– А что случилось? – как можно беззаботнее поинтересовался Матвей. – Вот передохнем, и будем выбираться отсюда.

Преисполненный бодрости тон произвел на девушку противоположный его ожиданиям эффект.

– Отсюда нет выхода!

– Должен быть! И к чему паниковать? От голода пока не умираем, от жажды тоже, воздух свежий... Воздух!

Он достал из кармана зажигалку, крутанул колесико. Выпрыгнув из его кулака, пламя задрожало, а затем уверенно качнулось влево.

– Что я говорил?

Поднявшись и, следуя направлению, указанному пламенем, он сделал несколько шагов прочь от завала. Огонек затрепетал. Быстров включил фонарик и увидел пролом в стене туннеля.

– Марина, идите сюда.

– Я боюсь, – прошелестело из темноты. – Там могут быть... – Девушка не договорила.

– Кто? А-а... Мыши, крысы, да? Мыши... Дались они вам, безобиднейшие существа.

– Я боюсь существ противоположных.

Всегда стремящийся к полной ясности, спецгент хотел спросить, что же это за существа, но тут случилось то, чего он никак не ожидал. Его предельно обостренные тренировками и сложившимися обстоятельствами чувства за какую-то долю секунды до нападения про-сигнализировали о нем. Но либо легкое колебание воздуха, схожее с тем, какое бывает при замахе ножом, оказалось совсем уж легчайшим, либо дали о себе знать усталость и напряжение последних часов, как бы то ни было, Матвей не сумел должным образом подготовиться к отражению агрессии. Правда, он уберег горло и глаза, однако мерзкая тварь, вскочившая ему на плечи, сумела разодрать когтями щеку.

Быстров изловчился, схватил отвратительное существо одной рукой за голову, другой за туловище, повернул... Затрещали позвонки. Отбросив дергающийся в предсмертных конвульсиях полутруп, Матвей поднял руку ко лбу, чтобы вытереть пот, да так и застыл: от пролома донеслось злобное

Глава 8

Лысые кошки

Отбросив дергающийся в предсмертных конвульсиях полутруп, Матвей поднял руку ко лбу, чтобы вытереть пот, да так и застыл: от пролома донеслось злобное **мяуканье**. Он повел фонарем и увидел у стены богомерзкую тварь, исторгающую из усыпанной зубами пасти рвущие душу и барабанные перепонки звуки.

Никогда спецгент не встречал ничего подобного. И не слышал ни о чем похожем. Да что там! Самые смелые фантазии, самые кошмарные видения бледнели перед открывшимся ему зрелищем.

Это была кошка. Но что это была за кошка! Раза в два больше обычной. С огромными, налитыми кровью глазами. С горбом изогнутой спиной, мощными лапами, выпирающими челюстями. И все-таки это животное не было бы столь отталкивающим, если бы... На нем не было шерсти! Оно было молочно-белым, с толстыми синими венами, проглядывающими сквозь кожу. По какой-то странной прихоти ассоциаций Быстров вспомнил рекламный ролик фирмы «Жиллет». Впрочем, почему странной? Кожу существа будто выбрали «плавающей головкой», такая она была лоснящаяся, гладкая, точно полированная.

– Мутакот! – раздался за спиной спецгента искаженный ужасом голос Лисичкиной.

– Что? – Посчитав, что не расслышал, Матвей чуть повернул голову, и в ту же секунду чудовище кинулось в атаку.

Ему был неведом страх. Вытянувшись в струну, выбросив вперед увенчанные длинными когтями лапы, оно летело на человека, имея целью его лицо.

На этот раз реакция не подвела спецгента. Он легко отклонился в сторону, ребром ладони буквально перерубив позвоночник существа. Упав на землю, оно заверещало, все еще пытаясь ползти к Матвею, дотянуться до него растопыренными когтями. Горящие дьявольским огнем глаза животного словно гипнотизировали Быстрова. Он поднял ногу, и кованый каблук ботинка опустился на череп чудовища. В наступившей тишине Матвей тряхнул головой, прогоняя наваждение. Уф-ф! Кажется, все. Что это было? Морок какой-то, затмение.

Но опасность все еще была на пороге. О ней предупредила Марина:

– Берегись!

Побережься действительно стоило. Из пролома, от которого на Матвея пахло тошнотворным ароматом гниющих водорослей, выскользнули четыре тени, за ними еще три. Кошки мяукали, урчали и угрожающе шипели. Припадая животами к земле, они крались вдоль стены, а потом, изменив тактику, стали охватывать Быстрова полукольцом. Это была стая!

Следя за перестроениями омерзительных существ и не забывая о девушке, которая была теперь под его опекой, Матвей между делом посетовал на неправоту когда-то прочитанных книг, авторы которых уверяли, что кошки, дескать, сугубые индивидуалисты, что они всегда «гуляют сами по себе», что им чужд стайный инстинкт. Чепуха! То, что происходило на его глазах, в пух и прах разбивало эти утверждения.

«Они сейчас бросятся, – подумал Матвей. – Разом. Скопом».

И кошки бросились. Как и предполагал Быстров, одновременно, будто повинувшись услышанной лишь ими команде.

Двух тварей Матвей, сделав выпад, убил еще на подлете. Однако смерть товарок не остановила остальных. Две кошки запрыгнули спецгенту на спину, две занялись его ногами, а пятая вцепилась в лацканы и без того изрядно потрепанного предыдущими приключениями пиджака. Быстров плюнул прямо в разверстую пасть чудовища и повалился наземь, подминая

тех кошек, что карабкались по спине. Своим маневром он внес сумятицу в боевые порядки нападавших и, воспользовавшись этим, перехватил инициативу. Вновь заняв вертикальное положение и выхватив пистолет, он расстрелял двух корчащихся на земле тварей. Вцепившись в ноги сами прекратили глотать его икры и пустились наутек. А та кошка, что почти добралась до его горла, вдруг прекратила поступательное движение, замерла и, вероятно, уже готова была последовать примеру удиравших, но рука Матвея ухватила ее за горло и сжимала железной хваткой до тех пор, пока чудовище не испустило дух.

Твид пиджака трещал и рвался, когда Быстров отдирает от себя отвратительное существо. На хищно загнутых когтях животного оставались клочки ткани.

Размахнувшись, Быстров забросил кошку в темноту. Не долго думая, отправил туда же и остальных. Он поступил так потому, что вид неподвижных и еще агонизирующих чудовищ был непереносим: его подташнивало и мутило при одном взгляде на них.

Может быть, кто-то назовет это малодушием. Пусть! Но Матвей был не только отлично обученным, опытным профессионалом, он был еще и человеком, и, как всякому представителю рода людского, ему были присущи маленькие слабости. Тем не менее Быстров поспешил успокоить себя следующим соображением: сражаться с врагами – обязанность спецаргента, лицедреть их поверженными долг не предписывает.

– Вы справились!

Матвей удивился словам Лисичкиной и сказал:

– Конечно.

Марина все так же сидела на камне у завала. В неверном свете фонаря, в начале схватки выпавшим из руки агента и сейчас освещавшим низкие своды туннеля, все же было заметно, что она дрожит.

– Это кошки-мутанты, – бесцветным голосом сообщила девушка. – Мутакоты. Исчадия ада. Их тут много. Вы их не знаете.

– Уже познакомился.

– Кальмар запрещает их убивать.

– Зачем они ему? – удивился Матвей.

– Мутакоты охраняют его сокровища.

– Достойная охрана.

Быстров оглянулся. Дыра провала зияла непроглядной чернотой. Путь ли это к спасению? Крылья его носа затрепетали, ощутив запах страха и

Глава 9

Отходное место

Быстров оглянулся. Дыра провала зияла непроглядной чернотой. Путь ли это к спасению? Крылья его носа затрепетали, ощутив запах страха и йода.

Совсем некстати он вспомнил свой последний отпуск. Десять дней блаженного безделья, если чем и заполненных, то лишь любованием изменчивой красотой моря! Вот так же пахли выброшенные на берег водоросли... Отдых был прерван срочной депешей: ему приказывали покончить с шайкой Хромого Хома. Трижды прав отец: это задание куда труднее.

Матвей посмотрел на Лисичкину.

– Надо выбираться отсюда, Марина. Вперед дороги нет, назад тоже. Попробуем через этот пролом, – он показал на угольно-черную дыру в стене туннеля. – А вдруг там сокровища? Хто-то вроде пещеры Али-бабы. Жемчуг, яхонты, слитки золота... «Не счесть алмазов в каменных пещерах...» – нещадно фальшивя, спел он.

Девушка через силу улыбнулась, но секунду спустя ее глаза вновь наполнились страхом.

– А как же мутанты?

– Знаете, Марина, – уже серьезно, не рисуясь и не играя в супермена, сказал спецгент, – другого варианта все равно нет. Не помирать же тут! А мутанты... Здесь они могут напасть на нас с тем же успехом. Пойдемте. Смелее! Ничего не бойтесь!

Он расправил плечи, и девушка тут же спряталась за ними.

Как ни бодрился Матвей, но у пролома притормозил. Вдохнул глубоко, приструнил себя и нырнул в ошестинившееся камнями отверстие.

Через пять-шесть метров они натолкнулись на мутакота с развороченным пулей брюхом. Едва живая тварь злобно поводила глазами и угрожающе шипела. Тратить на подранка патрон агент не захотел – сколько им еще встретится вполне здоровых? – и просто перешагнул через издыхающее существо. Когда маневр попыталась повторить его спутница, кошка-мутант вытянула лапу, стараясь дотянуться до ее ноги. Лисичкина вскрикнула и потеряла равновесие. Матвей подхватил девушку и поверх ее вздрагивающего плеча направил на мутакота луч фонаря.

Видимо, попытка атаки отняла у кошки последние силы. Она вытянулась и замерла, напоследок оскалив острые, как бритва, клыки. Быстрову показалось, что мерзкая тварь усмехается, отказываясь и после смерти признавать свое поражение.

Это впечатление было настолько сильным, что Матвей не сразу осознал, что продолжает сжимать девушку в объятиях. Он отстранился смущенно и сказал, сглаживая неловкость:

– Что же мы стоим?

И они пошли дальше, то и дело задевая плечами стены. Проход становился все уже, потолок прижимал их к земле, метров пятьдесят им даже пришлось преодолеть на четвереньках.

Туннель, сейчас больше напоминающий нору диаметром сантиметров в восемьдесят, закончился неожиданно. Кирпичная кладка перегородила путь в неизвестность. Матвей подумал, что теперь-то уж точно не известно, чем все это закончится.

Он исследовал преграду. У самой земли в перегородке была дыра, достаточно большая для кошки, но не для человека.

– Тупик, – безжизненным голосом проговорила Лисичкина.

– Чепуха! – отмахнулся Быстров. – Давайте присядем. Передохнем малость.

Девушка послушно опустилась на пол. Матвей пристроился рядом.

– Не знаете, что там? – он кивнул на перегородку.

– Догадываюсь. Хранилище.

– Кальмара? – уточнил агент, выбрав из двух кличек Сидорова ту, которая была Лисичкиной привычнее. Про себя он произнес: «Динозавра?».

– Радиоактивных отходов.

– Что? – Быстров подумал, что ослышался.

– Радиоактивных отходов, – повторила девушка. – Что вы так на меня смотрите? А как, по-вашему, кошки стали мутантами?

– Но откуда они здесь взялись?

– Мутакоты?

– Отходы.

– Над нами куча заводов и институтов. В сороковые и пятидесятые годы там разрабатывалось атомное оружие. Тогда еще не было толком ясно, чем опасна радиация, и потому отходы сбрасывались в смонтированные под землей металлические цистерны. Когда же стало понятно, что держать здесь эту дрянь нельзя, отходы вывезли под Загорск в специальное хранилище. Но поздно: радиация успела натворить бед. Те же мутакоты...

– А чем они питаются?

– По ночам выбираются на поверхность и охотятся на обычных кошек и собак. Вы знаете, что в районе между станциями метро «Тушинская» и «Октябрьское поле» почти нет бездомных дворняжек? Ни одной стаи! Это все их работа, мутантов. Ну и, конечно, помойки. В общем, пищи хватает. Задолго до рассвета, эти твари видят только в темноте, они уже снова под землей, в этих катакомбах.

– Марина, вы говорили, что мутакоты для Кальмара вместо охраны. А сам он и подручные его как же?

– К его логову ведет специальный ход, но я не знаю, где он.

– И что, никто не пробовал пробраться сюда? – не поверил агент.

– Да кто же сюда сунется? А коли сунется – живым не вернется. И нам не спастись! – Она всхлипнула.

Слезы женщины – сущее наказание для мужчины. Но именно они проложили путь к спасению, побудив Быстрова в ярости ударить кулаком по кирпичной перегородке. И она покачнулась!

Матвей зажег фонарь, направил его на кладку. Что ж, может быть, и не померещилось. Раствор сырой, рыхлый... Он лег на спину, уперся ногами в кирпичи, нажал, нажал еще раз – так, что запросили пощады мышцы, и стена рухнула! Отплевываясь от пыли, он осветил вперед – метрах в двух виднелся округлый бок какой-то емкости; осветил вверх – луч фонаря не достигал сводов.

– Вот и обещанная пещера с сокровищами, – сказал Матвей. – Не хватает только

Глава 10

Сладкий воздух

– Вот и обещанная пещера с сокровищами, – сказал Матвей. – Не хватает только **разбойников**.

– Это не пещера Али-бабы, – разочаровала его Лисичкина. – Ни золота, ни алмазов, ни разбойников тут нет. В этих цистернах когда-то хранились отходы.

– Нам грозит опасность?

– А вы как думали? Поверите, когда волосы выпадут?

– Надеюсь, этого не случится, – с завидным хладнокровием произнес спецгент, доставая из потайного кармашка пакетик со светло-коричневым порошком. – Это универсальный антидот. Нейтрализует действие любых ядов, в том числе кураре и цианидов. Хорош также в загазованной и зараженной радиацией местности. Изготавливают его из задних лапок жуков-водомеров. Один грамм стоит семьсот пятьдесят тысяч долларов.

– А сколько стоите вы? – спросила девушка. – Не у каждого в кармане такой пакетик валяется.

– Меня ценят, – спокойно парировал Быстров.

– Ах, вас це-е-нят, – протянула Лисичкина. – Только имейте в виду: похорон с почестями вам не дожждаться.

Матвей вспомнил, что Николай Семенович Ухов рисовал ту же безрадостную картину. Если агента постигнет неудача. Ему стало грустно.

– Тут останетесь, и никто не узнает. Еще за дезертира сочтут!

– Марина, прекратите! – повысил голос Быстров. – Вас извиняет лишь усталость.

– Простите, – после паузы прошептала Лисичкина. – Сама не знаю, что говорю.

Обрадованный скорым раскаянием спутницы и больше не мешкая, Быстров занялся делом: ловко разорвал на две части пакетик с порошком; одну половинку протянул Лисичкиной, содержимое другой высыпал себе в рот. Девушка последовала его примеру.

– Вкусно. На бергамот похоже, правда?

– Правда, – согласился Матвей. – Однако пора трогаться.

Оступаясь на кирпичках, они выбрались в зал. Слева и справа дыбились огромные контейнеры. Матвей подошел к одному из них, ударил ногой – цистерна отозвалась глухим утробным звуком.

Они прошли мимо баков, которые и сейчас, по прошествии стольких десятилетий, таили в себе смертельную угрозу. Внезапно девушка схватила агента за руку:

– Смотрите!

Но Быстров и сам увидел. Метрах в двадцати от них светилось окошко. В этой крошечной темноте оно пылало ярче напалма. Они бросились к нему, словно мотыльки на свет электрической лампочки. Матвей, как и полагается атлету, оказался первым. Он заглянул в окошко, врезанное в массивную свинцовую дверь, и отпрянул.

– Что там? – спросила Лисичкина.

– Посмотрите сами. Только осторожно.

Девушке взглянула, отшатнулась и упала бы, не поддержи ее Матвей.

Вот уже второй раз за последний час в его объятиях была девушка, которая ему, признаться, очень понравилась. Но сейчас он не отстранился. Невзирая на опасность, которой за эти минуты не стало меньше, которая, напротив, сгустилась настолько, что ее, казалось, можно

потрогать, он вдруг подумал совсем о другом – о том, сколь много лишил себя, по-глупому гордясь тем, что не обременен семейными узами.

Матвей провел рукой по шелковистым волосам:

– Успокойтесь, Марина. Я же с вами! Не пропадем.

В его голосе была такая непоколебимая убежденность, что Лисичкина подняла лицо и спросила по-детски непосредственно:

– Правда?

– Конечно, правда. Подождите минутку...

Он снова заглянул в окошко. Столы, реторты, бунзеновские горелки и... Бука. Да-да, перед ним была та самая лжемедсестра, что вкатила ему в десну лошадиную дозу снотворного, воспользовавшись его беспомощным состоянием в зубо врачебном кресле.

Бука, носившая в миру неблагозвучное прозвище Скотница, стояла в трех шагах от него, по ту сторону свинцовой двери и хрустального окна, и распекала мордатого Степана. Тот покачивался и тербил бинты, шапкой стянувшие голову.

«Значит, не задохнулся! – констатировал Быстров. – Какой живучий, а? Из мертвых воскрес! Надо полагать, его желание лишиться меня ногтей и укрепилось, и усилилось. Только на сей раз он обойдется без долгих приготовлений».

– Это лаборатория Кальмара. Его сокровищница.

Матвей обернулся и спросил:

– Наркотики?

– Нет, он «дурью» не балуется. Рынок затоварен. Конкуренция. Я не знаю, чем они там занимаются. Роман тоже не знает.

– Роман? – поскущел Быстров.

– Это мой брат.

– А-а! – обрадовался Матвей. – Другое дело.

– То есть?

– В смысле, надо выбираться отсюда.

– Как?

– По возможности быстро. – Спецагент повел фонарем, следя, чтобы его свет не отозвался бликом на поверхности окна. – Я немного знаком с устройством подобных хранилищ. Здесь должна быть вентиляционная шахта... Вот она!

Матвей увлек девушку за собой. В бетон стены были вмурованы массивные скобы.

– Сначала я, вы за мной.

– Куда она ведет?

– К свободе!

Быстров не обманывал спутницу. Он искренне верил, что так и будет, хотя понятия не имел, какие еще преграды встретятся на их пути. Однако судьбе, очевидно, надоело испытывать беглецов на прочность, и через четверть часа, сломав по дороге две проржавевшие решетки, они выбрались на поверхность.

Сладок воздух свободы! Матвей дышал глубоко, с наслаждением. Забыв о Динозавре, он вдруг опять подумал о своем незавидном положении

Глава 11

Зов крови

Сладок воздух свободы! Матвей дышал глубоко, с наслаждением. Забыв о Динозавре, он вдруг опять подумал о своем незавидном положении **холостяка**. Не думать об этом он просто не мог!

Когда он откинул тяжеленный люк, ничем не отличающийся от десятков тысяч таких же – круглых и чугунных, прикрывающих хозяйство Мосводоканала, когда перевалился через край и растянулся на пожухлой траве, наконец, когда помог выбраться из колодца Лисичкиной и взглянул на нее при свете дня, тогда он ахнул: девушка была чудо как хороша.

Там, под землей, где искажаются звуки и теряют насыщенность цвета, она предстала перед ним белокурой богиней, спустившейся с горних высот. Сейчас же он видел, что волосы ее имеют приметный золотистый оттенок безусловно естественного происхождения, ибо ни одна фирма не может своей краской соперничать с солнцем, запутавшимся в этих чудесных локонах. Что касается порой надменной улыбки, она вдруг оказалась искренней, открытой, и еще абсолютно симметричной. А ему-то чудилось, что в нервной усмешке кривится лишь один угол губ.

Матвей любовался своей спасительницей. Да, она ничуть и ничем не напоминала небожительницу. И дело не в том, что обитатели Олимпа предпочитали хитоны джинсам, в которых выросла не только Америка, и курточке с надписью, зазывающей в Париж. Просто ее глаза лучились теплом, неведомом богам и богиням древних мифов. Это был человек из крови и плоти...

Фигура у Марины Лисичкиной была великолепная, и Быстров поспешил отвести глаза. Не до этого! Разве опасность позади? Нельзя недооценивать противника. Тем более такого серьезного, как Динозавр. Но куда теперь?

Матвей приказал себе не грезить о лимузинах с колокольчиками и лентами, о белом платье невесты, двубортном костюме жениха и криках «Горько!», после чего вновь обрел возможность думать и действовать как специальный агент, наделенный почти неограниченными полномочиями.

Он вспомнил о наказе полковника Ухова, поручившего ему выяснить подноготную и вывести на чистую воду Ивана Петровича Сидорова. Напутствуя его, начальник особо подчеркнул: «Ты, Матвей, действуешь на свой страх и риск. Вернешься со щитом, честь тебе и хвала. А коли на щите, не обессудь, отрецись».

Его подставляли, но Быстров не был в претензии к руководству, соглашаясь, что в данном случае, объявляя Динозавру войну, действовать обычными методами нельзя: нет оснований для проведения повторного расследования и возбуждения уголовного дела. Но нельзя и другое – допустить, чтобы эта... рептилия жила себе да поживала, творя свои черные дела.

Задание и впрямь оказалось сложным, в чем он убедился, побывав в подземелье и повстречавшись с кошками-мутантами. И все-таки Матвей был рад, что не ответил начальнику отказом. Да иначе и быть не могло! И не только потому, что он ненавидел жирующих и сеящих зло корыстолюбцев. Он никогда не отказал бы отцу! И пусть Николай Семенович не знает пока о кровных узах, связавших их благодаря Ольге Савельевне Быстровой, но это до поры. Все изменится! Матвей верил в это. И они заживут одной семьей: папа, мама, он и Марина...

Опять? Быстров мотнул головой, разгоняя упорно возвращающиеся мысли. Да и кто сказал, что Лисичкиной он по нраву? Это еще надо заслужить!

Служба же, долг в настоящий момент требовали, чтобы он нашел выход из положения, в котором они оказались.

Прежде всего надо позаботиться о надежной «крыше» и для Лисичкиной и для себя. В Управление? Нет, нельзя. Через час, как он вышел от Ухова, в него стреляли и едва не подстрелили. На улице его машину «вели». Лжемедсестра была наготове в кабинете стоматолога. Все это говорит о том, что отец прав: в их коллективе завелся иуда, снабжающий Динозавра информацией. Так что в Управление и домой ход закрыт: где он живет, им, разумеется, известно. Тут они и хитрить не будут, прямо в квартире обоснуются, благо мама на даче. Может быть, задействовать одну из конспиративных квартир? Нет, не годится, нет гарантии, что они не знают их адресов. Даже звонить Ухову не стоит. Вдруг линия прослушивается? Вряд ли, конечно, ее защищают, но вдруг? Обжегшись на молоке, лучше подуть на воду.

И куда, спрашивается, податься? Он посмотрел на девушку. И ее как оберечь?

Между тем Лисичкина уже отдышалась после тяжелого подъема и приводила себя в порядок. В одной руке у нее было крошечное зеркальце, в другой расческа. Все-таки женщины – главная загадка человечества. Идти на такое дело, и не забыть о сугубо дамском...

Волосы Марины, послушные плавным движениям рук, взлетали и вновь опали на плечи. У Матвея защемило сердце. Он и сам ничего, но Марина – простокрасавица. Детишки у них будут на загляденье.

– Что вы так на меня смотрите?

Быстров потупился:

– Так... Ничего.

– Где мы?

– Где? Сейчас выясним.

Он огляделся. То ли сквер, то ли парк... За кустами железная ограда. Шумят машины, свистят покрышками на повороте.

Матвей хотел встать, но тут в черном зеве колодца появилась морда мутакота. Глаза кошки были закрыты, а вот розовая пуговица носа подергивалась – тварь принюхивалась, обнажив клыки в желтых хлопьях пены. Агент не стал мешкать: удар ногой, и кошка-мутант, завизжав, полетела вниз.

– Туда тебе и дорога! – плюнул в колодец Быстров, наперед зная, что ему не придется из него пить. Выпрямившись, он пожал плечами и нырнул в кусты.

Появился Матвей минут через пять. Присел рядом с девушкой.

– Это улица Гамалеи. Места знакомые. Я тут зубы дергаю.

– Сочувствую, – сказала Лисичкина.

– Оставим эту болезную тему, – упредил все слова спецгент и поведал девушке о том, что положение у них по-прежнему аховое и что в силу ряда причин он не может предоставить ей достойного убежища.

– Скажите, – задумчиво проговорила Лисичкина, – вы найдете этого ... ?

Глава 12

Ударные гласные

– Скажите, – задумчиво проговорила Лисичкина, – вы найдете этого **предателя**?
– Который работает на Динозавра? Обязательно!
– И что вы с ним сделаете?
– Выподем, как сорняки с огорода.
– И много среди вас таких?
– Каких?
– Как вы. Принципиальных.
– Большинство! Не за страх трудимся, за совесть!
– А она – за деньги. Женщина это. Брат мой, Рома, как-то обмолвился, что у Кальмара, вы его Динозавром зовете, барышня есть в вашей конторе, стучит...

Быстров сжал кулаки:

– Найду!

Видимо, решимость спецагента произвела должное впечатление на Лисичкину, потому что она успокаивающе коснулась его плеча:

– Нам надо идти.

Матвей вздрогнул:

– Да-да, разумеется. Надо идти. Дайте только сообразить, куда.

– Мы поедem ко мне, – сказала девушка. – Ваши адреса «под колпаком», а моя квартира «чистая».

Быстров хотел было сказать, что тоже приучен следить за порядком, но вспомнил, сколько недель не был дома, гоняясь за бандой Хромого Хомы, и промолчал.

– Так едем? – потеряла его за рукав девушка. – Ну, не будьте красной девицей.

– Тогда позвольте хотя бы стать добрым молодцем

– Не возражаю.

– Тогда в путь! Труба зовet! – возвестил Быстров и увлек девушку в кусты.

За кустами был забор из остроконечных железных пик, чье предназначение – протыкать животы иноземным шпионам – осталось в далеком прошлом. Ныне ограда выполняла лишь декоративные функции, поскольку прятавшийся за ней институт никакой разведке и задарма был не нужен. В пользу такого умозаключения говорило хотя бы то, что метров через пятьдесят Матвей и Марина натолкнулись на распахнутые настежь ворота, прутья которых оплел колючими ветками боярышник. Лет десять, не меньше, они стояли так, гостеприимно приглашая заходить каждого, будь то спонсор, интересующийся немногими оставшимися в институте светлыми головами, или пьяница, мучимый тревожной мыслью: можно ли в институтском скверике без помех раздавить поллитра? Удручающее зрелище. Где ты, былая слава?

Когда беглецы оказались на улице, названной в честь академика Николая Федоровича Гамалеи, врача и биохимика, они повернули направо и пять минут спустя, у поворота, увидели слева помпезное здание больницы, прямо – пятиэтажную школу, а между ними – торец 12-й санчасти, другими словами – поликлиники, принадлежащей Институту атомной энергии имени Курчатова.

– А вон моя «лошадка», – сказал Быстров.

«Жигуленок» смиренно дожидался своего седока, несколько часов назад скрывшегося за дверями санчасти, где его должны были лишить зуба, а вместе с ним боли и суеверного страха перед стоматологами.

А вместо этого, подумал Матвей, сплошные приключения: подземелье, Скотница и Мордатый – садисты по призванию, побег, кошки-мутанты, хранилище радиоактивных отходов. Какой джентльменский набор, а? Впору роман писать. Так никто не поверит...

Он потрогал языком зуб. Смотри-ка, не болит. Но ведь заболит! Спецагент расстроено покачал головой и ступил на проезжую часть с намерением усесться за руль своего терпеливого четырехколесного друга.

– Стойте!

Лисичкина схватила его за руку, дернула назад. И вовремя. Их не заметили. Да и мудрено их было разглядеть в толпе потенциальных пассажиров, высматривающих, не идет ли автобус №100, готовый всех желающих увезти на «Тушинскую».

Из притормозившего рядом с «жигуленком» джипа-«чероки» вывалились четверо зловещего вида амбалов. Глянув по сторонам, они окружили машину спецагента. В руке одного из них металлом блеснула полоска. Она скользнула в щель воздухозаборника, и капот поднялся.

Матвей представил, как поражены подручные Динозавра (в том, что это они, сомнений не было), обнаружив в старенькой «ладе» импортный «фордовский» движок.

Он решил воспользоваться их замешательством. Надоело прятаться, спасаться бегством, точно нашкодивший мальчишка. С этой минуты он – нападающий!

Матвей скользнул через дорогу, прокрался вдоль забора, соединяющего проходную больницы и санчасть, и с независимым видом вышел из-за угла.

На него не обратили внимания – так, гуляет кто-то, а когда обратили, было уже поздно. Быстров подпрыгнул и дотянулся ногой до лба ближайшего амбала. Тот только и успел произнести: «У-у-у!», и распластался на мостовой.

– И-е-и-ё! – выдохнул сквозь зубы Матвей, крутанулся и заехал ногой в пах следующему противнику.

– О-о! – согнулся тот, прикрывая руками остатки мужского достоинства: – Ю-ю-ю... Ы-ы-ы...

– Э, – участливо спросил спецагент, – ты как, а?

Ясно было, что плохо, и Матвей переключил внимание на третьего противника. Тут достаточно было сурового взгляда. Амбал дернулся, оступился, упал и замычал что-то невразумительное.

Теперь четвертый. Это был серьезный боец. Вот он чуть согнулся, уставив на спецагента маленькие глазки, и сделал выпад с криком: «...».

Глава 13

Сдача по-крупному

Теперь четвертый. Это был серьезный боец. Вот он чуть согнулся, оставив на спецагента маленькие глазки, и сделал выпад с криком: «Я-я»!

Быстров не одобрял нарциссизма. Самолюбование, считал он, ведет к возвеличиванию собственного «я» в ущерб дружескому «мы», и в конечном счете к гибели. Ибо человек есть существо общественное: как ты к обществу, так и оно к тебе, в случае чего раздавить может, и несчастный позавидует печальной участи Нарцисса, который, засмотревшись на свое отражение, всего-навсего умер от голода.

Эти мысли вихрем пронесли в его голове, оставив после себя решимость проучить наглеца, летящего на него с устрашающим боевым кличем. Будучи принципиальным человеком, Быстров всегда давал сдачи. Нередко крупными купюрами и больше, чем было уплачено.

Матвей занял оборонительную стойку, поставил блок, отражая удар, и полоснул кончиками пальцев нападающего по адамову яблоку. Амбал приземлился, схватился за горло и захрипел, пытаясь втянуть в себя хоть немного воздуха. Колени его подогнулись, и он рухнул на другого бандита, ненароком заехав тому ботинком в челюсть. Голова перетрусившего вошла в соприкосновение с асфальтом. Судя по тупому звуку, за его здоровье можно было не опасаться: сотрясение мозга ему не грозило, поскольку трястись в черепной коробке было явно нечему. Чистая кость! Однако, к удивлению Матвея, бандюга закрыл глаза, и лицо его приняло отсутствующее выражение.

Быстров лишней раз восхитился колоссальными возможностями человеческого организма, после чего оглядел поле битвы. Получивший пяткой в лоб лежал без движений, однако грудь его мерно вздымалась, что обещало не очень долгое пребывание на больничной койке. Амбал с помятыми чреслами скулил и мелкими шажками семенил прочь. Третий и четвертый противники тоже не представляли опасности: один все никак не мог толком вздохнуть, другой, обратив к небу безмятежный лик, пребывал в бессознательном состоянии.

– Лихо вы с ними.

В голосе Лисичкиной не было и намека на сострадание.

– Силы много, а умом не богаты, – сказал Быстров. – Но чего мы ждем? Лишнее внимание нам ни к чему, – он кивнул в сторону автобусной остановки, где прибавилось свидетелей дела его рук и ног.

Матвей шагнул к «жигуленку» и заглянул под капот. Присвистнул огорченно. Патрубки порезаны, тосол вытек... Мерзавцы круто обошлись с движком. Никакого уважения к технике. Вандалы!

Быстров подавил желание пнуть кого-нибудь из валяющихся у его ног. Очень хотелось, но бить лежащих он был не приучен. А догонять лишнего мужской гордости...

– Ладно, – сказал он, – воспользуемся их таратайкой.

Но прежде чем подступиться к сверкающему лаком джипу, Быстров наклонился и ухватил за воротник амбала, только-только справившегося с удушьем. Похоже, именно он был главным в этом криминальном квартете.

– Говорить можешь?

Придушенный просипел что-то невнятное.

– Кто вас послал? Кто?

Для придания вопросам должного веса Матвей чуть повернул руку, натягивая ткань. Сознывая, что через секунду приток воздуха может вновь прекратиться, придушенный засучил

ногами, поднял руку и пошевелил пальцами. Воображение подсказало Быстрову, что амбал пытается изобразить щупальца.

– Кальмар?

Бандит забулькал, обрадованный догадливостью несостоявшейся жертвы. Оскалился, показав порченные зубы, и Матвей снова испытал постыдное чувство: с каким бы удовольствием он вогнал эти гнилушки в глотку их хозяину! Вот это была бы расплата звонкой монетой!

Но это было бы проявлением слабости, открытой дверью, за которой дожидается своего часа животная сущность, не изничтоженная в людях цивилизацией. Поэтому он сдержался, укротил себя и закрыл дверь. И даже ослабил захват.

Амбал принялся хватать ртом воздух, обдавая агента смрадным дыханием и не догадываясь, что тем самым рискует разбудить дремлющего в Матвее зверя.

Спецагент обшарил карманы бандита, мимоходом вспомнив одну из сентенций товарища Ухова: «Право творить правосудие подразумевает ответственность в принятии решений. Вера в собственную непогрешимость чревата нравственной деградацией».

Это были азбучные истины, но сейчас Быстров по-новому ощутил их глубину. И понял: отныне это не только руководство к действию, устав жизни и службы, но и краеугольный камень его отношения к людям, безотносительно – преступники они или законопослушные граждане.

В нем происходила подвижка каких-то пластов, и этим, как ни странно, он был обязан Марине Лисичкиной, рискнувшей жизнью ради спасения его из лап Динозавра, то бишь щупалец Кальмара, то бишь рук Ивана Петровича Сидорова.

«Впрочем, – подумал Матвей, – неизвестно, что на самом деле ее подвигло на это, она что-то говорила про брата...».

– Мы это с собой возьмем? – спросила девушка.

– Обязательно!

Быстров с удовлетворением отметил, что теперь неплохо вооружен. К его верному «лилипуту» добавились: три ножа – «спринг-наиф» и две старомодные финки с наборными ручками, «беретта» 32-го калибра, пистолет Макарова и короткоствольный «кольт». Все это он выудил из карманов тройцы, распростершейся на асфальте. С таким арсеналом ему никто не страшен!

– Теперь можно ехать, – сказал он. – Спокойно.

Джип покорно взревел мотором, отозвавшись на поворот в замке зажигания ключа, выуженного из кармана одного из бандитов.

– Ловко вы с ними, – еще раз отдала должное девушка, устраиваясь на соседнем сиденье. – По полной программе.

– Привычка такая – отвечать ударом на удар, – смутился Матвей, с высот нынешнего мироощущения понимавший: переборщил! Успокаивая, оправдывая и обманывая себя, он добавил: – Это так,

Глава 14

Партнеры до предела

– Привычка такая – отвечать ударом на удар, – смутился Матвей, с высот нынешнего мироощущения понимавший: переборщил! Успокаивая, оправдывая и обманывая себя, он добавил: – Это так, **мелочь**.

– Вам виднее, – с сомнением протянула Лисичкина.

Быстров, предпочитавший, чтобы последнее слово оставалось за ним, на сей раз промолчал. Калечить подручных Динозавра было ни к чему. Хорошо, хоть не поубивал... Что ж, будет урок на будущее: общаясь с бандитами, негодьями и подонками, все равно надо оставаться человеком! Даже если приходится их бить.

Он вырулил на проезжую часть и погнал джип в сторону «Тушинской». Через минуту, опомнившись, спросил:

– Так куда ехать?

– То есть как «куда»? – нахмурилась девушка. – Ко мне!

– Это понятно. Но куда?

Она засмеялась.

– Я же не сказала, где живу. В Зеленоград.

– Далековато, – посочувствовал Матвей.

– Зато воздух чистый.

– Веский довод, – согласился агент.

Когда джип выскочил на Волоколамское шоссе, чтобы потом, у Гидропроекта, свернуть на Ленинградское, Быстров прервал затянувшуюся паузу.

– Марина, – неуверенно сказал он, – вам не кажется, что пришло время прояснить наши отношения?

– Что вы имеете в виду? – вопросом на вопрос ответила Лисичкина.

Прежде такая манера вести диалог вызывала у Матвея глухое раздражение, однако сейчас он не почувствовал его. Почему? Откуда эта снисходительность? Он взглянул на свою спутницу и тут же сообразил – откуда. Такой девушке можно простить все! В том числе и бестактность, продиктованную, вероятно, страхом перед последним, решающим шагом – объяснением. Однако теперь они, можно сказать, партнеры, и сделать этот шаг ей придется, если не в знак благодарности за спасение из лабиринта, то хотя бы из стремления обрести в напарнике надежного товарища, тоже врага Динозавра. Вот и получается: они – партнеры до предела! А за ним следует уже совсем другое партнерство. Будет ли оно?

– Я имею в виду, что мне не мешало бы знать, чем конкретно не угодил вам Иван Петрович Сидоров, известный мне как Динозавр, а вам еще и как Кальмар? Какую роль во всей этой истории играет ваш брат? Наконец, как вы узнали, что я нахожусь в пыточной камере бандитов? Почему решили помочь в побеге? И это, Марина, лишь толика вопросов, на которые мне хотелось бы получить ответы. Полагаю, я имею на это право.

– Вы правы, – сказала после недолгого размышления девушка. – И право на это имеете. Я расскажу. Только начать придется издалека. Потерпите?

– Не привыкать, – отозвался агент, подумав о том, сколько многочасовых исповедей довелось ему выслушать на своем веку. В комнатах для допросов.

– Родителям моим, – начала свой рассказ Лисичкина, – очень хотелось мальчика, сына. А появилась я. Роды были тяжелыми, с осложнениями, так что еще на одного ребенка нечего было рассчитывать.

– Но... – произнес Матвей прежде, чем успел одернуть себя. А когда одернул, было уже поздно: слово – не воробей. Он беззвучно выругался: самовлюбленный болван, никакой деликатности, а ведь минутами ранее посмел упрекнуть спутницу в бестактности, пусть и мысленно.

– Вы о Романе? – улыбнулась девушка. – Он мой двоюродный брат, сын сестры отца. Он с мальчишества у нас пропадал, потому что дома ему несладко приходилось. Отец его умер, когда Ромка еще несмышленьшим был, а отчим, тетя через пару лет снова замуж вышла, и по сию пору пасынка терпеть не может.

– Бывает, – кивнул Матвей, который прекрасно знал, что такое безотцовщина. Правда, его отец жив. Да только не знает полковник Николай Семенович Ухов, что в подчинении у него сын, и Бог весть, узнает ли когда-нибудь.

– Ромка всегда шалопаем был, – продолжала Лисичкина, – хотя учился неплохо. И в институт сходу поступил. А потом все пошло через пень колоду. Должно быть, избаловали мы его своей любовью. Это ведь задним умом понимаешь, что пылинки сдувать – не дело, и что не от всех трудностей надо оберегать, и что жалость зачастую во вред.

– Об этом Горький писал, – заметил Быстров.

– И Толстой!

– Лев?

– Да хоть Алексей! Какая разница? Пока в собственное темечко жареный петух не клюнет, разве мы кого слушаем? В общем, случилось что-то с Ромкой. Сначала и незаметно было, а потом хоть глаза закрывай. Бросил институт, – говорит, не мое это, пойду поработаю, – устроился каменщиком на стройку. Потом у него денег вдруг стало нескитано, шальных денег, тех, что руки жгут. А он парень щедрый – кто ни попроси, не откажет. Всем рад, всех угощает, со всеми готов до утра разговоры разговаривать. Дальше больше: купил машину, квартиру снял, чтобы с отчимом под одной крышей не жить. Закружились вокруг него всякие подозрительные личности, нахлебники, девки какие-то наштукатуренные.

– Это со стройки?

– Я о тех, что косметикой пользоваться не умеют!

– Не «что», а «кто», – машинально поправил Быстров.

– Как хочу, так и говорю. Вы слушать будете или перебивать?

– Больше не повторится. – Матвей даже голову наклонил, демонстрируя раскаяние. Глаз от запруженной машинами дороги, однако, не оторвал. Им только аварии не хватало!

– Ладно, – смилостивилась Лисичкина, не намеренная сечь повинную голову. – Поехали дальше.

– Так едем же!

– Хватит дурочку валять! – возмутилась девушка.

– Я никого не валял.

– Довольно! Если вы таким образом пытаетесь поднять мне настроение, считайте, что вам это удалось.

Матвей притормозил у светофора, повернулся к девушке и прижал руки к груди:

– Марина, поверьте, я и не думаю скоморошничать. Мне интересно все, что вы рассказываете о своем

Глава 15

Слезы экспедитора

– Марина, поверьте, я и не думаю скоморошничать. Мне интересно все, что вы рассказываете о своем **кузене**.

– Опять? Почему не сказать просто – двоюродный брат?

– Хорошо, – кивнул Матвей, поражаясь своей покладистости, – я буду называть вашего кузена двоюродным братом.

Лисичкина подозрительно взглянула на Быстрова: уж не издеваются ли над ней? Однако лицо спецагента было преисполнено таким ангельским смирением, что она устыдилась своих подозрений. Просто этот парень прям, как оглобля. Что, в общем-то, не всегда плохо. Во всяком случае, гарантирует от насмешек, которые не всегда легко распознать.

Успокоившись, девушка устроилась поудобнее на широком сиденье «чероки» и продолжила рассказ о злключениях брата.

– Как вы понимаете, каменщики не получают столько, чтобы хватало на прокорм оравы прихлебателей. На машину и квартиру им тоже вкалывать – проще вручную пирамиду сложить.

– Хеопса, – усмехнулся Матвей. – Крупнейшую.

– Нет, Джосера, – не осталась в долгу спутница. – Ступенчатую. Древнейшую. Двадцать седьмой век до нашей эры. Зодчий Имхотеп.

– Сдаюсь, – сказал Быстров.

– То-то же. Однако мы отвлеклись... Короче, другую работу Роман подыскал. Не пыльную.

– Да, – согласился Матвей, – на стройке без сапог да робы шага не сделаешь.

– Я про то, что денежную, – пояснила Лисичкина. – Не заметить этого было нельзя. На вопросы матери и моих родителей он отшучивался, а со мной держался едва ли не покровительственно, дескать, не женского ума это дело, да и вообще, что ты волнуешься? Все в порядке! Все просто превосходно! И тут его точно обухом по голове.

– Сильно?

– Да уж досталось. Иначе не прибежал бы ко мне. Выплакаться ему надо было. Ведь он только с виду такой неуязвимый, а на самом-то деле мягкий, словно воск. Заговорил, будто на исповеди. Все выложил. И как в контору эту попал и что потом случилось. Оказался он там волею случая. Приятель присоветовал: мол, нужен там человек для разъездов, что-то вроде экспедитора, он бы и сам пошел, да с насиженного места срываться не хочется. Вот Ромка и рванул туда. И пришалел. Совместное предприятие – из тех, что на купле-торговле специализируются. Все чин-чинарем: денег – вагон и маленькая тележка, офис в пределах Садового, руководство по дальнему зарубежью разъезжает. Но и подчиненных не забывает. Оклад Ромке положили фантастический. Ему бы насторожиться от такой щедрости, но куда там, все на удачу свалил, на случай, который раз в жизни выпадает.

– И что он должен был делать?

– А вы можете ему?

– По мере сил, – осторожно пообещал Матвей, надеясь, что брат девушки не совершил чего-нибудь эдакого, когда даже явка с повинной, добровольное признание и сотрудничество с органами не смогут облегчить его участь.

– Осторожнее!

Крик Лисичкиной запоздал на добрых три секунды. «Чероки» взвизгнул скатами и пропустил вперед расфуфыренное «вольво», всю в наклейках и антеннах. «Какая безвкусица», –

поморщился Быстров, ощущая свое превосходство перед нахалом в скандинавской иномарке с низким клиренсом. Восседавая на высоком сиденье джипа, он чувствовал себя уверенно и независимо, как индеец на верном скакуне. И Ленинградское шоссе было его прерией...

Но потом он подумал, что единицы из индейцев-чероки могут позволить себе такую роскошь, как этот сверкающий черным лаком автомобиль, названный их именем. В этом он видел не только вопиющую несправедливость, но и нечто общее, чуть ли не родство, связывающее в одно целое коренных жителей Америки и его, Матвея Быстрова, русского по паспорту, москвича по месту рождения и жительства. Он тоже никогда не станет полновластным владельцем этого чуда на колесах, потому что приучен жить честно, это у него в крови. И пусть кто-то говорит: это несовременно, жить надо в кайф... Пусть говорят! Проклятые бледнолицые!

– Все нормально, – сказал он, сделав рывок и обойдя зарвавшееся «вольво». – Продолжайте.

– Помимо самых обычных разездов – отвези туда, привези то, конверт налево, коробку направо, есть у Романа еще одна обязанность. Раз в неделю, по пятницам, он забирает в условленных местах небольшие стальные контейнеры и привозит их в офис.

– Что за условленные места?

– В стоматологических поликлиниках.

– Где? – не поверил Быстров.

– В стоматологических поликлиниках, – повторила девушка. – Что в контейнерах, Роман не знает, да и не очень-то интересовался этим. А дальше случилось...

– Что?

– Вот что. Ромка накануне перебрал с друзьями и потому заснул в предбаннике, где свободное время шоферы коротают. Проснулся от чьих-то голосов. Глядь, а из стены кусок штукатурки вывалился, прямо как в фильме «Адъютант Его Превосходительства». Голоса он узнал. Директор фирмы в своем кабинете уважительно разговаривал с кем-то, называя собеседника то Кальмаром, то Иваном Петровичем. Тут Ромка и сообразил, что директор перед Сидоровым стелется, инженеришкой плюгавым, который ремонтом у них занимался. Вот, оказывается, кто в их конторе за главного! Ну, а дальше такое началось, что у братца моего совсем в глазах помутилось от страха. Контрабанда!

– Чего? – Матвей повернул к девушке сосредоточенное лицо.

– Того, что в контейнерах хранилось, тех, металлических. На Запад сбывали...

– У них же там все есть! – в недоумении воскликнул Быстров. – Да и что можно раздобыть в наших стоматологических поликлиниках? Не зубы же выдернутые...

– Я не знаю, а только продают они свой товар задорого. Прибыль – миллионы!

– Долларов?

– Не юаней же. Потом разговор в директорских апартаментах зашел о том, что на Кальмара досье специальное заведено, только Сидоров фигурирует в нем как Динозавр. По следу лучший агент пущен. И еще было сказано, что Быстров этот взятку не берет, подловить его на чем-нибудь непотребном невозможно, в общем, бедный, но гордый.

Так оно и есть, хмыкнул Матвей, вновь чувствуя приобщенность к ...

Глава 16

Разговор без примесей

Так оно и есть, хмыкнул Матвей, вновь чувствуя приобщенность к **племени**. Неподкупное, не усмиренное племя индейцев-чероки! Настоящие мужчины и прекрасные женщины...

Он покосился на спутницу. Кожа Лисичкиной не имела характерного красноватого оттенка. Быстров огорченно прищелкнул языком, но тут же придал лицу выражение абсолютной невозмутимости, взяв за образец бестрепетный лик Гойко Митича из фильмов своего детства.

– Вы меня не слушаете, – сказала девушка.

Быстров не без сожаления согнал с лица бестрепетность увенчанного перьями воина, вернувшись к привычному облику спецагента.

– Вы ошибаетесь. – Свои слова он сопроводил мягкой улыбкой. – Я весь внимание.

– И повторить сможете?

– Слово в слово! Откуда начать?

– Не надо. Я лучше дальше...

Брат ничего не скрыл от нее. Рассказал как на духу. А под конец озадачил вопросом: что ему теперь делать? Они долго судили-рядили, сразу отвергнув вариант с приходом в компетентные органы. Во-первых, в неведение экспедитора никто не поверит. А во-вторых, и это главное, у него нет доказательств! В его активе лишь ненароком подслушанный разговор директора фирмы с якобы могущественным Кальмаром, Сидоровым по фамилии. Но где факты? Факты где? Можно, конечно, вскрыть контейнер... Так ведь отопрутся: мол, знать не знали, чем экспедитор промышляет, мы его за порядочного человека держали, а он – подлец, негодяй и махинатор. Попробуй прижучь таких!

Как поступить? Растерянность сестры сменилась отчаянием, которое уже владело ее братом. И тут, у грани, за которой побег, укрывательство и нелегальное положение, возникло решение вопроса, неожиданно простое и совершенно безумное: надо рискнуть, но выяснить, чем промышляют Кальмар и его приспешники, после чего предоставить органам правопорядка неопровержимые свидетельства их преступной деятельности.

Первой акцией должно было стать спасение спецагента, о похищении которого Роман узнал сегодня утром.

– Постойте! – вскинулся Быстров. – Какое сегодня число?

Лисичкина с жалостью посмотрела на него.

– Скотница ошиблась с дозой, вы спали двое суток.

Перед мысленным взором Матвея появились лицо лжемедсестры и ее рука со шприцем. Вот игла втыкается в десну... По спине агента побежали мурашки.

– То-то чувствую: сна ни в одном глазу, – вымученно пошутил он.

– Есть, наверное, хочется? – Глаза девушки наполнились состраданием к ближнему, спецагент был меньше чем в метре от нее.

Лучше бы не спрашивала. Живот Быстрова тут же свела голодная судорога. Так вот почему он с таким вожделием взирал на бутерброды, которые метал в свою пасть Степан, стороживший его в подземелье. А как без вожделия после такого поста?!

– Я бы съел сейчас дохлую кошку, – процитировал чью-то колоритную фразу Матвей.

Лисичкина обернулась, но на заднем сиденье джипа лежало лишь оружие, реквизированное у боевиков Динозавра. А как было бы здорово, если бы где-нибудь в уголке притаилась позабытая этими откормленными бугаями упаковка чипсов! Увы.

Ревизия «бардачка» автомобиля оказалась более продуктивной. Продукты нашлись! С торжествующим видом девушка извлекла из ниши под ветровым стеклом пакет с сушками.

– Вот! Заморите червячка.

Представитель кольчатых остался жив-здоров, потому что нерв в незалеченном зубе Быстрова незамедлительно напомнил о себе, а когда болят зубы, о сушках совсем не думается.

– Уберите с глаз долой, – попросил, кривя губы, Матвей.

Лисичкина пожалала плечами и бросила пакет обратно в «бардачок».

– Как вы меня нашли? – Спецагент, твердо решивший не обращать внимания на боль, в каком бы месте она ни гнездилась, взглянул на свою спутницу.

– Это все Ромка. Подслушал, где у них база подземная, понял, как к ней подобраться. А дальше дело техники. Без везения, правда, не обошлось. Да и то сказать, мы же до того, как в Зеленоград переехать, на улице Рогова жили, это совсем рядом, а на улице Гамалеи я училась. Так что места эти не хуже своей ладони знаю. В общем, прикинула что к чему и полезла под землю вас выручать. Ромку не пустила, он всегда что-нибудь да напортачит, даже когда в магазин или парикмахерскую идет, а тут и хранилище, и лаборатория тайная, и камеры пыточные.

– Логово! – обобщил Матвей.

– Можно и так. Звери они, не какие-нибудь дешевые мошенники. И ничего не боятся!

– Тут вы ошибаетесь, – усмехнулся Быстров. – Кальмар наш, Динозавр разлюбезный, очень даже за свою шкуру опасается. В лимузинах не разъезжает, не светится попусту, жизнь ведет неприметную. С него довольно, что власть в руках. И деньги, много денег...

– Алчность губит, власть развращает, – задумчиво проговорила Лисичкина. – А абсолютная власть развращает абсолютно. Его надо остановить!

– Остановим, – пообещал спецагент. – Однако, похоже, это мы сейчас остановимся. – Он показал на датчик уровня топлива. Стрелка утомленно лежала в левом углу сектора.

Двигатель «чероки» чихнул раз, другой, сжигая пары горючего, и заглох. Используя силу инерции тяжелой машины, Матвей выкатился из потока.

– Марина, я благодарен вам за этот разговор. Спасибо, что обошлись без недомолвок, умолчаний. – Агент остановил джип у бордюра. – Извините, у вас есть деньги? Бензин надо купить, а меня обобрали до нитки.

– Есть немного.

– Много и не нужно.

– А как мы заправимся?

– Тут бензоколонка недалеко, метров двести. Куплю канистру, залью...

– Я с вами пойду, разомнусь.

Они выбрались из машины, предварительно запихнув в черный пластиковый мешок, обнаруженный в том же «бардачке», пистолеты и ножи бандитов Кальмара.

И тут Быстров сначала увидел, а потом прикипел глазами к витрине булочной с разложенной в художественном беспорядке выпечкой.

Матвей сглотнул слюну, чувствуя, как голод вновь начинает терзать желудок. Что боль? Сейчас он не отказался бы и от

Глава 17

Щекотливое положение

Матвей сглотнул слюну, чувствуя, как голод вновь начинает терзать желудок. Что боль? Сейчас он не отказался бы и от **баранки**.

– Подождите минутку. – Матвей улыбнулся Лисичкиной и повернулся к джипу, чтобы забрать из «бардачка» ранее отвергнутые сушки. Второго шага он сделать не успел, потому что под капотом полыхнуло, и в следующее мгновение раздался оглушительный взрыв.

Воздушная волна ударила, точно кувалдой, однако Быстров устоял на ногах и потому не упустил ни малейшей детали разворачивающегося перед ним зрелища. А посмотреть было на что. Настоящая феерия! Только уворачивайся.

«Чероки» разваливался и разлетался на части. В сантиметре от уха агента просвистел хромированный ободок фары. Он пригнулся. К ногам подкатилось сорванное с креплений запасное колесо. Он отпрянул. Бампер, словно городошная бита, попытался сбить его на асфальт, но он подпрыгнул и пропустил его под собой. Сзади крикнули...

Быстров испуганно оглянулся. К счастью, с Мариной все было в порядке: она не упала, ухватившись за ствол придорожной липы. Дерево защитило ее и от бампера, который, срикошетировав, заехал под дых мужчине в костюме-тройке. Сейчас мужчина лежал на чугунной узорчатой решетке, стягивающей комель дерева, и хватал ртом воздух.

Кроме него, пострадавших не было. Знавший, какими последствиями чреватой такой силы взрывы, Матвей подивился столь незначительному урону, кинулся к Лисичкиной и понял, что она находится в прострации.

– Марина! Марина!

Словно и не ей был обращен его призыв. Глаза девушки не выражали ничего. В них, как в зеркале, отражалось лишь бушующее пламя, пожирающее автомобиль.

Быстров разомкнул руки, будто прикипевшие к стволу дерева, и потащил Лисичкину за собой. Нырнув в ближайшую подворотню, они оказались в мрачном дворе-колодце. Вокруг никого – ни детишек на игровой площадке, ни молодых мам с колясками, ни бабулек на скамейках. Если кто и был, так умчались, что и понятно, это ж какое представление на улице!

Безлюдье устраивало спецаргента, поскольку то, что ему предстояло сделать, могло вызвать нежелательный резонанс со стороны обитателей дома, стены которого кольцом отвесных скал охватывали погруженный в вечную тень дворик. Однако он сделал последнюю попытку.

– Марина! Марина!

Никакой реакции. Быстров тяжело вздохнул, примерился и...

Лучшее средство! Как и предполагал спецаргент, пощечина оказала свое благотворное воздействие, изгнав пустоту из глаз девушки. Увы, вакуум заполнило возмущение, оформившееся вопросом:

– Зачем вы меня ударили?

– Не удовольствия ради, а токмо волею обстоятельств, – попробовал вывернуться из щекотливого положения Матвей, для чего переиначил гениальную формулу из «Двенадцати стульев». – Для вашей же пользы!

Лисичкина потеряла щеку.

– Да уж! Руку на женщину... Стыдно небось?

– Небось, – кивнул Быстров. – А что делать? Надо!

– Хорошее слово, – согласилась девушка. – Правильное. Крепкое. А где?..

- Там.
- Сгорел?
- Дотла.

Матвей не стал вдаваться в подробности. Ни к чему Марине знать, что они ехали на заминированном автомобиле и что лишь халатность его хозяев, не заправивших полный бак, спасла их от смерти. Еще семьсот, максимум семьсот пятьдесят метров, эквивалентных на запруженном машинами шоссе двум-трем минутам, и от них остались бы лишь воспоминания, окрашенные траурной музыкой и безысходным горем родных и близких.

- Никто не пострадал?
- Обошлось.

И вновь Быстров прибег к фигуре умолчания, посчитав необязательным сообщать о мужчине в костюме-тройке с бампером между ног. К чему травмировать хрупкую девичью психику столь неприглядными картинами? Когда есть возможность, память лучше не засорять. Об этом толковал австриец Фрейд. Матвей не был приверженцем его теорий, но труды психиатра-философа в свое время изучил досконально.

- Марина, нам лучше уйти отсюда. И побыстрее.
- Вы думаете...
- Конечно, думаю. О ванной, о куске черного хлеба с майонезом, о чашке чая... И еще – мечтаю. Мечтаю воспользоваться вашим гостеприимством.
- Раз обещала, значит, будет!
- Тогда к метро! – распорядился Матвей, галантно предлагая руку, как опору, и пока без сердца. Пока! Потому что не время, потому что на их пути Динозавр, от которого в данный момент зависит, каким будет их будущее и будет ли оно вообще.

Неожиданно Быстров понял, что испытывает к противнику даже определенное уважение. Это вам не новомодный рэкетир с единственной извилиной, да и той в седалище. Это сильный враг, умный, предусмотрительный. Надо ж такое придумать – снабдить автомобиль подручных радиоминой! Чуть что не так – нажатие кнопки, и... поминай, как звали. Концы в воду! Ни жалости, ни сомнений. И если бы амбалы, которых пришлось поучить уму-разуму на улице Гамалеи, очухались чуть быстрее, если бы они чуть раньше сообщили Кальмару о своей неудаче... Матвей поежился. Где гарантия, что в следующий раз Иван Петрович снова допустит промах? Нет такой гарантии, так что лучше оставить до поры матримониальные планы и не тревожить ни себя, ни Марину сердечными признаниями.

– До «Речного вокзала» здесь недалеко, – сказала Лисичкина. – Оттуда поедem на автобусе. Это километров двадцать. Нормально поедem, спокойно. Судьба не может испытывать нас бесконечно.

- Надеюсь, она будет благоволить нам и в дальнейшем.

Будучи материалистом, Быстров привык полагаться лишь на себя – свои знания, опыт, умение, сноровку. Все остальное он в расчет не принимал. Хлипкий фундамент! Однако последние часы изрядно потрепали его рационализм. И впрямь: пуля снайпера пролетела мимо, взрыв мины не причинил вреда... Наконец, как, если не вмешательством иных сил, объяснить появление в подземелье Динозавра, и в его, Матвея, жизни этой девушки? И дураку ясно, что это не прихотливая игра случая. Должно быть, кто-то неизмеримо могущественный взялся оберечь его от напастей, чтобы...

- Судьба к тем расположена, кто за правое дело ратует, – сказала Лисичкина.
- А левое дело бывает? – с улыбкой спросил Быстров.
- Я не шучу. Нам еще не раз повезет!

В этом Матвей убедился уже через четверть часа. На площади у станции «Речной вокзал» они удлиннили собой очередь желающих сесть на автобус №400.

Жаждающих выбраться из суетливой Москвы в патриархально тихий Зеленоград, возникший, впрочем, как спутник столицы на 824 года позже своей «мамы», было столько, что излишне мягкотелого человека непременно хватил бы кондрашка. Судя по отсутствию машин «скорой помощи», чрезмерно впечатлительных в толпе не было.

Очередь не помещалась на скудных квадратных метрах остановки, а потому выхлестнулась за ее пределы, перегородив дорогу. Машины гудели, очередь расступалась, пропуская их, и вновь смыкалась. Пять минут спустя Марина не выдержала и громким голосом предложила очереди загнуться. После непродолжительных дебатов, в которых с разной активностью участвовало человек пятнадцать, очередь загнулась – переломилась посередине и убрала свой разбухший хвост за ближайший киоск.

Быстров с уважением взглянул на Марину. Сразиться с целой очередью и одолеть покорное людское равнодушие! Это солидно.

Подошел автобус. Народу в салон набилось несчетно, и не миновать бы ссоры, но тут шофер, отчаявшись закрыть двери, попросил в микрофон «очистить задний проход». Смех, прокатившийся по салону, был подобен бодрящему душу в жаркий полдень. Гроза не разразилась, люди втянулись в салон, двери закрылись и автобус тронулся.

Через пять минут Лисичкина заснула, склонив голову на его плечо. Волшебное ощущение! Матвей боялся пошевелиться и тем самым распугать сновидения спутницы, а они были светлыми, потому что на губах девушки блуждала улыбка. Увы, не все зависело от Быстрова. Он ничего не мог поделать с выбоинами на дороге, грозившими нарушить сон Марины. Он мог лишь на все лады клясть ремонтников, тяп-ляп латающих полотно, и нерадивого водителя, не лелеющего матчасть. И все. Прискорбно.

Мысли его сделали неожиданный финт, и он подумал, что надо бы составить план действий. Сегодня – отдых, хватит приключений. Но завтра, в пятницу... Перво-наперво надо побывать в подземной лаборатории – чем они там занимаются? Не мешает заглянуть и внутрь контейнеров, которые Роман забирает в стоматологических поликлиниках. А потом и к Кальмару можно подступиться, наверняка найдется с чем. Вот такая лестница, по ней и будем подниматься. Не спеша, но и не медля, осторожно, но неуклонно, пока не доберемся до верха, а уж там поглядим кто кого – Динозавр его или он Динозавра.

Лисичкина пошевелилась, выпрямилась, поправила волосы:

– Приехали.

Автобус свернул и покатил к вольно разбросанным кирпичным башням, стыдливо прикрывшимся высокими соснами. Привыкший к тесноте и запущенности московских улиц, Быстров любовался открывающимся пейзажем. Это ничего, что урбанистический, главное – глаз радует.

Но в значительно большей степени глаз радовало другое. Быстров смотрел на Марину и не мог насмотреться.

В эту минуту он, разумеется, не мог знать (только – догадываться), что уже через несколько часов будет на волосок от гибели.

Одно Матвей знал твердо: планируя завтрашний день, он просчитался, не оставив места для самой главной

Глава 18

Знаки расположения

Одно Матвей знал твердо: планируя завтрашний день, он просчитался, не оставив места для самой главной **ступеньки**. Для любви!

Быстров опустил поднявшиеся в улыбке уголки губ, сетуя на свою непоследовательность. Ведь решил же: признается позже, когда от Динозавра только мокрое место останется, а раз так, то – выдержка, хладнокровие, а там, дай срок, дойдет и до лирики.

– Нам на следующей, – предупредила девушка.

Как диктуют правила хорошего тона, Матвей первым покинул автобус и развернулся, чтобы подать Лисичкиной руку. Однако Марина то ли замешкалась, то ли ее оттеснили, как бы то ни было, вместо нее в дверях появилась дородная дама. Увидев протянутую руку, она отшатнулась, прижав к животу раздутую сумку. Секундами позже, сообразив, что жест незнакомого мужчины не таит опасности, и все же с недоверием и опаской, матрона бочком-бочком соскользнула на асфальт и засемила прочь. Спецагент проводил даму взглядом, в котором сплелись воедино брезгливость и жалость.

Мягкие пальцы легли в его ладонь. Он поднял глаза и оторопел: с жеманной гримаской на него смотрела незнакомая девица с избытком макияжа на лице.

– Спасибо за поддержку, – проворковала она. Ступив на остановку, она вспорхнула ресницами: – Деликатность – это сейчас такая редкость! Всюду грубость, хамство. Без провожаемого не обойтись.

Девица сделала паузу, чтобы галантный молодой человек мог незамедлительно заявить о претензиях на вакантное место.

– Я занят, – буркнул Матвей.

– Ну и дурак! – фыркнула девица, тут же потеряв к Быстрову всякий интерес. С видом оскорбленной невинности она повернулась и, неспешно перебирая длинными ногами, поплыла по тротуару.

– Сама дура! – сказала Лисичкина, возникая рядом со спецагентом. – Вот из-за таких охотниц порядочные девушки парня найти не могут. Пиявки! Ну, что вы стоите? Пошли!

Шагая рядом с девушкой и внимая ее рассуждениям об общем упадке нравов и, в частности, о лицемерии и беспринципности «пиявок», Быстров ликовал. Горячность Лисичкиной была ему, как пластырь на раненую душу. Не случайно она кипит! И не в том причина, что она от него руки не дождалась, а в том, что на нее, руку, эта «охотница» посягнула. Отсюда вывод: Марине он не безразличен! Такое вот умозаключение. И черта с два он ошибается. Дедукция!

Пребывая в прекрасном настроении, Матвей вместе с тем не забывал поддакивать спутнице. А потом перестал, сообразив, что Марина – девушка умная, тонкая, фальшь распознает тут же и замолчит. И он, Быстров, опять станет выискивать в ее словах и поведении знаки расположения и думать: не примнилась ли ему эта особая приязнь?

Он даже рискнул пару раз возразить, предложив более аккуратные формулировки, которые были незамедлительно отвергнуты, однако без сарказма и сомнений в умственных способностях напарника.

– Вот мой подъезд, – сказала Лисичкина.

Дорожка вывела их к подъезду пятиэтажной «хрущобы», утонувшей в зелени. Зеленоград вполне оправдывал свое имя.

– Эй, мужик, закурить есть? Эй, ты что, оглох?

Из тени, падающей от козырька подъезда, выдвинулся прыщавый подросток в мешковатых штанах и клетчатой куртке.

– Да он нас не уважает! – возмутился еще один ломкий тенорок, и рядом с первым объявился второй парень, такой же прыщавый, и так же одетый, только клетки на его куртке были не красно-белые, а красно-черные.

– Чего вам, ребята? – миролюбиво спросил Быстров.

– Не уважаешь, значит? – ощерился Красно-белый.

– А мы вежливости научим! – пообещал Красно-черный.

– Может, не стоит? – с сомнением произнес спецагент. – Чревато.

– Хамит! – удивился Красно-белый.

– Он, наверное, сильный, – с наигранным ужасом прошептал Красно-черный.

Руки подростков нырнули в карманы, а когда вынырнули, в одной был хромированный кастет, а в другой – самодельная свинчатка.

– Зря вы так, – с печалью в голосе сказал Матвей, не расположенный сейчас ни к долгим словопрениям, ни к заурядной драке. Он уже достаточно намахался за сегодня, и вновь пускать в ход кулаки охоты не было. Тем более что на этот раз противники сопливые, таким по шее накостылять не велика доблесть.

Клетчатые знать не знали, кому вздумали угрожать, а потому придвинулись к отчего-то не трясущейся от страха жертве. Себя они мнили, конечно же, загонщиками. Вот она, безнаказанность, что с детьми делает, до чего доводит!

Быстров запустил руку в пакет с оружием и выудил первый попавшийся пистолет. Когда черный зрачок «беретты» уставился на застывших подростков, Матвей тихо проговорил:

– Шли бы вы отсюда, мальчишки!

Мертвенная белизна залила угреватые щеки, и прыщи заалели, как капли красных чернил на листе ватмана.

Первым очухался Красно-черный. Отступив, не сводя глаз с дула пистолета, он ухватил приятеля за куртку, дернул... Красно-белый попятился. Они развернулись через левое плечо, точно новобранцы на плацу, и с нарастающим ускорением кинулись наутек.

Спецагент бросил «беретту» обратно в пакет.

– Это не бандиты. Они только учатся.

– У них все впереди, – кивнула Лисичкина, открывая дверь подъезда. Теплая волна затхлого воздуха окатила Быстрова.

Поднимаясь по узкой лестнице, спецагент невольно косился на рисунки, которыми пестрили стены. Неведомый автор черпал вдохновение из двух источников: сексуальных мечтаний и любви к «металлу». Воображение у творившего было безудержно-богачейшим: изображенные мужчины и женщины вытворяли такое, что ни в какой «Камасутре» не вычитаешь, а патлатые гитаристы так изгибались в экстазе песнопения, точно их тела отлиты из гуттаперчи.

– Нравится?

Девушка вставляла ключ в замок и поглядывала на спутника. – Это Витька с четвертого этажа изгаляется.

– Ему бы в изостудию какую. Талантливо. Хотя и скабрёзно.

– Да он в ней лет пять занимается. Только не нравится ему кувшины, гипсовые яблоки и пейзажи за окном рисовать. Вот душу и отводит... Четырнадцать лет. Перебесится. Станет гением, еще гордиться буду, что с ним в одном доме жила.

Замок щелкнул. Дверь открылась.

– Проходите. Чувствуйте себя, как дома.

Быстров не заставил себя упрашивать. Вошел. И почувствовал себя, как дома. Лисичкина вручила ему полотенце, отправляя под душ.

Смывая с себя усталость последних дней и пыль подземелья, Матвей напевал от удовольствия, которого не мог одолеть даже запашок, исходящий от воды. До поры он повымел из головы все мысли, за исключением одной: «Не стой в намыленных ногах». Давнее мамино наставление оберегло его: он не поскользнулся и выбрался из ванны, ничего себе не повредив.

Марина дала ему халат (родители были в отъезде, так что отец не мог померить щедрость дочери, распоряжающейся его вещами) и оставила в гостиной наедине с бутербродом, который был лишь вступлением к готовящейся трапезе. Проявив себя заботливой хозяйкой, Лисичкина удалилась в ванную.

Справившись с аппетитным прологом, Быстров занялся осмотром своего арсенала. И «беретта», и «кольт», и пистолет Макарова были в приличном состоянии, но он все же разобрал, проверил и собрал их по-новой. А ножи – «спринг-наиф» и две финки, – их и проверять не надо.

Прошло минут двадцать, прежде чем Лисичкина вновь явила себя взору агента. Волосы она заплела в косу, и Матвей понял, что в косе она нравится ему еще больше.

А потом был ужин, разговоры и... ночь. Быстров ворочался, воюя с комарами и бессонницей. И думал, что другой на его месте непременно воспользовался бы случаем и поскребся бы к девушке. Но не тот Марина человек... Какой именно она человек Матвей сформулировать не успел, потому что заснул.

Лисичкина разбудила его в восемь. Во сколько встала она, оставалось гадать, так как одежда Быстрова была вычищена, а рубашка даже выстирана и отутюжена.

Они позавтракали и через полчаса автобус увозил их из Зеленограда. Им предстояло проникнуть в лабораторию Динозавра. Что за зелье варится там в огне бунзеновских горелок? Вот же подонки, руки загребущие...

Быстров взглянул на собственные руки. На правом запястье расплзлось розовое аллергическое пятно. Он выругался сквозь зубы, недобрым словом помянув

Глава 19

Кошмар наяву

Быстров взглянул на собственные руки. На правом запястье расплзлось розовое аллергическое пятно. Он выругался сквозь зубы, недобрым словом помянув **хлорку**.

– Чешется? Странно. – Лисичкина была патриоткой своего города. – Вообще-то у нас вода неплохая.

Матвей не стал спорить, хотя ему было, что сказать. Например: в его экологически неблагополучном Орехове-Борисове от воды коростой все же не покрываешься. Или там хлорка другая?

Он промолчал, потому что их ждали проблемы куда серьезнее аллергии. Справиться с Динозавром и его головорезами – этой сыпью на теле пока еще относительно здорового общества, – вот задача!

До «Октябрьского поля» они добрались без приключений. Выйдя из метро, тут же сели на «сотый» автобус. Через шесть остановок сошли.

Улица Гамалеи была тиха и пустынна. Около санчасти по-прежнему сиротливо стоял «жигуленок». От учинивших над ним насилие бандитов, позже поверженных Матвеем, разумеется, и следа не осталось.

Лисичкина увлекла спецаргента к полуразрушенной сторожке, приткнувшейся к ограде больничного комплекса. Девушка завернула за угол и исчезла в проеме, не прикрытом даже самой хлипкой дверью.

Пол сторожки был усыпан кирпичной крошкой, осколками бутылок. По углам бугрилось какое-то тряпье. Вероятно, здесь не раз находили уют бомжи и местные алкоголики, жаждающие покоя и «огненной воды». Да чтобы сверху не капало!

Воняло нечистотами. У Быстрова засвербило в носу, но он ущипнул себя за мочку уха и не чихнул.

Лисичкина пересекла единственную комнату сторожки и остановилась перед неприметной железной дверцей, над которой висела ржавая табличка с надписью «Запасной выход». Отсчитав пять кирпичей от верхнего среза косяка, девушка приложила ладонь к стене, нажала. Что-то щелкнуло, тихо скрипнуло, и дверца приоткрылась.

Выхода не было, был вход. Почти сразу от порога начиналась винтовая лестница, ведущая к загадочной лаборатории Динозавра. Об этой лестнице Марине рассказал Роман, день ото дня становящийся все более искусным «слухачом». Чужие тайны так притягательны!

В непроглядном мраке спецаргент стал спускаться по каменным ступеням. Сзади слышался шорох легких шагов Марины, и это подбадривало, вселяло уверенность, заставляло распрямлять плечи.

Спуск продолжался семнадцать с половиной минут. Стрелки на наручных часах, правда, было не разглядеть, но Быстров вполне полагался на свое чувство времени, отшлифованное многолетними упражнениями.

Справедливости ради надо заметить, что он ошибся, введенный в заблуждение темнотой и безмолвием. Прошло семнадцать минут и пятьдесят секунд, прежде чем лестница закончилась бетонной стеной с врезанной в нее стальной дверью. Беглый осмотр убеждал в отсутствии каких-либо запоров. Отворяй и входи. Если не боишься, конечно.

За себя Матвей не боялся, на то он и профессионал, но рядом с ним была Марина, и если с ней что-нибудь случится, это будет на его совести. Он решил действовать по правилам: достал

«беретту» и «кольт», глазами показал девушке, что она должна прижаться к стене, после чего лягнул дверь ногой, и когда та распахнулась, с кувырком влетел в образовавшийся проход.

Откатившись в сторону, он замер, направив оружие на детину в пятнистой форме, сидящего за колченогим столом. Дитина чаевничал. Перед ним исходила паром большая металлическая кружка. Рядом с ней лежал допотопный немецкий «шмайссер». Рука охранника потянулась к автомату.

– Не советую, – внушительно произнес Быстров.

Дитина застыл, загипнотизированный уверенным голосом спецагента, но более того – пистолетами в его руках.

Матвей поднялся, ни на мгновение не отводя взгляда и оружия от перепуганного стража. Приблизился к столу, перегнулся и точным ударом рукояткой «беретты» по темечку отправил детину в путешествие по беспамятству.

Подхватив автомат, Быстров окликнул Марину. Та без тени испуга в зеленых глазах взглянула на неподвижного охранника и поинтересовалась:

– Надолго?

– Не навсегда, – заверил Матвей, не имевший намерения отправлять детину в мир иной. – Часа полтора проваляется здесь, а потом неделю в госпитале. Вообще-то, долго пакостить не сможет.

– Дайте мне пистолет, – попросила девушка.

– Вы умеете с ним обращаться?

– Тут большого ума не надо.

– Ну, что ж...

«Беретта» переключалась из руки спецагента в ладонку Марины. С пистолетом Лисичкина выглядела скорее комично, чем грозно. Быстров отвернулся, пряча улыбку, и бросил коротко:

– Идите за мной. Но держите дистанцию!

Они прокрались узким коридорчиком, и снова путь их преградила дверь. Из-за нее доносились приглушенные голоса, шипение, позвякивание, постукивание, в общем, невнятный шум. Матвей усмехнулся:

– Повторение – мать учения. Так повторим! – Он саданул ногой по двери, и ту чуть с петель не сорвало. – Руки в гору! – рыкнул Быстров, поводя стволом автомата слева направо и обратно. – Не двигаться. Стреляю на поражение!

Три пары изумленных глаз уставились на него. Около оцинкованных лабораторных столов стояли мордатый Степан и Скотница. Рядом с ними сутулился хлюпик в белом халате.

Этот тщедушный, с куриной грудью человечек оказался самым смелым в этой троице, а может, самым наивным, потому что вдруг промямлил:

– А в чем, собственно, дело?

– Марина, постерегите их, – оставил вопрос без ответа Быстров. – Забалуют – стреляйте, не чикайтесь. А я тут малость похозяйничаю.

Матвей подошел к какому-то прибору и вырвал из его стенки пук проводов. Ими он скрутил руки пленников. Потом загнал их в угол, заставил опуститься на пол и, наказав сидеть тихо и не рыпаться, вернулся к Лисичкиной.

– Ничего не понимаю, – растерянно проговорила девушка, что-то рассматривавшая на столе.

Спецагент проследил за взглядом Марины и почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. На столе аккуратной горкой были сложены зубы. Кошмарную завершенность этой жуткой картине придавало то, что все зубы были

Глава 20

Допрос энной степени

Спецагент проследил за взглядом Марины и почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. На столе аккуратной горкой были сложены зубы. Кошмарную завершенность этой жуткой картине придавало то, что все зубы были **резцами**.

– Коренные и клыки там, – показала Лисичкина на соседний стол.

Именно это разделение зубов (по видам? по типам?) отчего-то оказало на Быстрова такое сильное воздействие, а отнюдь не то, что они были человеческие. Видимо, к чему-то подобному он был подспудно готов, памятуя о рассказе брата Марины и металлических коробках, которые тот забирал в стоматологических поликлиниках. Вывод напрашивался давно, но он казался настолько нелепым, что спецагент отмахнулся от бредового предположения, как от назойливой мухи. И вот теперь он воочию убедился, что порой самые невероятные догадки находят подтверждение в реальной действительности.

Лисичкиной тоже было не по себе. Ее била мелкая дрожь, и Матвей понял: чтобы успокоить девушку, он должен показать себя выдержанным и целеустремленным, иначе мелкая дрожь перерастет в крупную, Марина перестанет что бы то ни было соображать, и из помощницы станет обузой.

Он оторвался от зловещего зрелища, взял стул, установил его перед испуганно молчащей тройцей и сел, пристроив «шмайссер» на коленях.

– Говорить будем?

– Вы не имеете права! – сорвался на фальцет хлюпик в халате. – Кто вы такой?

– А ты у них спроси, – благожелательно посоветовал Быстров. – Они объяснят.

Хлюпик сжал губы в узкую белую полоску и не спросил. А спросил бы, Мордатый и Скотница вряд ли удостоили его ответом, поскольку были всецело поглощены собой и своим отношением к спецагенту. Мордатый угрюмо зиркал исподлобья, вероятно, сожалея, что не рискнул броситься на противника до того, как ему связали руки. Лжемедсестра кривила ярко накрашенный рот; в ее глазах читалась такая лютая ненависть, что становилось понятно: эта ничего не скажет, разве что под пыткой.

Пытать Матвей никого не собирался, чем разительно отличался от Скотницы и Мордатого, которые, судя по всему, были большие доки в этом деле. Он вспомнил, как лжемедсестра бестрепетно всаживала ему в десну иглу шприца со снотворным; припомнил, с каким мечтательным сладострастием шелкал плоскогубцами Мордатый, расписывая, как будет вырывать ему ногти... Нет, истязать их он не будет, нечего становиться на одну доску со всякими подонками, пусть те и заслуживают какой-нибудь немудрящей пытки. обойдется он и без рукоприкладства. Он только попугает чуть-чуть.

Верно определив слабейшее звено в цепи, Матвей ухватил хлюпика за отвороты халата, притянул к себе.

– Что ты – ты! – здесь делаешь?

– Я лаборант, – взвизгнул человек. – Отпустите, пожалуйста, развяжите, я все расскажу.

Быстрова такой вариант не устроил, и он предложил компромиссное решение:

– Сначала рассказ, а уж потом на волю. – Подумал и добавил: – Может быть.

Хлюпик моргнул. Дернулся кадык на тонкой шее. Очевидно, и то и другое означало согласие, однако для убедительности лаборант еще и кивнул. Еще бы ему не согласиться, выбора у него, по сути, не было.

- Что вас интересует?
- Зубы! Зачем они тут?
- Мы их перерабатываем. Получаем из пульпы ифлон-647. Это такой фермент. Способствует омоложению.
- И сбываете его на Запад?
- Это меня не касается, – тут же заявил хлипкий химик. – Мое дело: вытяжка, горелки, реторты...
- Ладно, замнем для ясности. – Спецагент как бы нечаянно поправил автомат. Теперь его ствол смотрел в живот человечку в халате. – Где логово Динозавра? Или для тебя привычнее Кальмар? Только про квартиру на Октябрьском поле баки забивать не надо. Где настоящее логово, где его с поличным взять можно? Где он кассу держит?
- Не знаю никакого Динозавра! И Кальмара не знаю.
- Врешь?
- Вот вам крест! – Лаборант наверняка перекрестился бы, не будь его руки стянуты за спиной. – Честное слово! – выпалил он, подыскав подходящий эквивалент крестному знаменю.
- Верю. – Быстров повернулся к мордатову Степану. – Где Кальмар? Мужик шумно засопел носом и не проронил ни звука.
- А вы как? – обратился спецагент к Скотнице. – Тоже язык проглотили?
- Гад! – выплюнула та, обрызгав Мордатого капельками слюны. До Матвея слюна не долетела. – Слова от меня не дожدهшься, сыскарь! Что б ты сдох!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.